

В. М. Алексѣевъ.

Безсмертные двойники и даосъ съ золотою жабой въ свитѣ бога богатства.

(Исслѣдованіе въ области китайскаго фольклора, съ приложеніемъ 12 таблицъ).

I.

Задачи статьи. Литература предмета.

Настоящая статья имѣетъ въ виду изучить рядъ матеріаловъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ китайскихъ народныхъ картинъ¹, амулетовъ², дѣтскихъ пѣсень³, пословицъ⁴, риѣмического речитатива слѣпыхъ

¹ Эти картины входятъ въ составъ моихъ личныхъ коллекцій и собраны въ теченіе 1906—1909 гг. приблизительно во всѣхъ главныхъ центрахъ ихъ производства (особенно въ окрестностяхъ Тянь-цзиня и въ Шанхаѣ). Какая бы судьба ни постигла мои коллекціи послѣ моей смерти, я считаю нужнымъ, ссылаясь на картину, указывать ея номеръ, соответствующій, кромѣ того, номеру листка, на которомъ находится подробное описаніе данной картины, сдѣланное или спеціалистомъ-художникомъ, или же однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ китайскихъ ученыхъ, которые могутъ понимать важность этнографической науки и съ чистымъ сердцемъ даютъ правдивыя показанія. Наиболѣе подробныя и оригинальныя описанія картинъ (особенно — первыхъ номеровъ коллекціи) принадлежатъ моему ученому другу Мынь Сипзэ 孟錫珏, лучшему изъ всѣхъ моихъ помощниковъ въ дѣлѣ собранія матеріаловъ, и озаглавлены имъ такъ: «Объясненія къ грубымъ картинамъ» (粗書解說). Рукопись эту слѣдовало бы должнымъ образомъ издать, но безпорядокъ, свойственный всѣмъ китайскимъ описаніямъ, царитъ и въ ней (напр., ссылки на «предыдущіе номера» безъ указанія ихъ, цитаты безъ точныхъ обозначеній и т. п.), заставляя временно остановиться передъ этимъ требующимъ большихъ расходовъ предпріятіемъ.

² Упомянуты здѣсь только такъ называемые «счастливые» амулеты, т. е. велящіе духу принести счастье, — главнымъ образомъ, деньги и золото. См. цитуемыя далѣе сочиненія Локхарта и одно мое. Кромѣ того, среди моихъ коллекцій находятся еще натерки-эстампажи съ различныхъ попадавшихся мнѣ въ разное время экземпляровъ, которые также привнесли свою долю интереса въ общую иконографическую систему.

³ Это — такъ называемыя въ Пекинѣ «рѣчи ребятъ» (сяо хар йур). То, что я цитую, не встрѣчается въ извѣстномъ трудѣ бар. Витале (Chinese Folklore. Pekinese Rhymes, by Baron Guido Vitale. Peking. 1896).

⁴ См. цитуемыя далѣе сочиненія Скарборо и Смиса.

пѣвцовъ¹ и т. д., съ цѣлью привести въ систему иконографическія и инныя представленія китайскихъ массъ о божественныхъ двойникахъ «Согласія-Единенія». Однако, разработкѣ этой основной темы я считаю необходимымъ предпослать отдѣльный этюдъ о даосскомъ патриархѣ Лю Хай (чжань)², входящемъ вмѣстѣ съ двойниками въ свиту бога денегъ Цай Шэн'я² и играющемъ, какъ будетъ видно, крупную роль въ китайскомъ иконографическомъ о нихъ представленіи. Къ изслѣдованію я привлекаю рядъ китайскихъ и европейскихъ сочиненій по этнографіи Китая, но, къ сожалѣнію, неизученность предмета и текстовъ, о немъ трактующихъ, сильно мѣшаетъ созданію ясной картины образованія мифа, а потому вся настоящая статья есть только опытъ рѣшенія вопроса и не претендуетъ на законченность.

Китайская литература, занимающаяся даннымъ предметомъ (къ сожалѣнію, — только частнымъ, эпизодическимъ образомъ), сводится къ нижеслѣдующимъ (врядъ ли, однако, полностью исчерпывающимъ вопросамъ) сочиненіямъ (въ хронологическомъ порядкѣ):

1. Эр я **爾雅**, древній словоглагователь, входящій, какъ извѣстно, въ серію «Тринадцати основныхъ («классическихъ») книгъ». Въ отдѣлѣ «о рыбахъ» (а не «о насѣкомыхъ», какъ ошибочно указано въ словарѣ эпохи Канси) находимъ упоминаніе о жабѣ-чжань, которая въ иллюстрированномъ изданіи этого словаря (**影宋鈔繪圖爾雅**, гл. 2, стр. 5 — по изд. Аз. Муз.) представлена трехлапой.

2. Шо юань **說苑** «Садъ разсказовъ (и изреченій)» — собраніе изреченій, разсказовъ, анекдотовъ и т. д. изъ эпохи удѣльнаго Китая, принадлежащее или же приписываемое извѣстному ханьскому автору и комментатору Лю Сян'у **劉向** (80—9 до Р. Хр.). Въ этомъ сборникѣ долженъ находиться анекдотъ о башнѣ изъ шашекъ и лицъ, легшей въ основу разсказа о Лю Цао и цитованный комментаторами на Ши цзи (см.), Хоу хань шу (см.), Вэнь Сюань (см.) и др. Однако, я, такъ же какъ Agendt (см.), не могъ отыскать его въ имѣющемся у меня изданіи 1885 года (въ коллекціи «Ста писателей» — Цзы шу бо цзя **子書百家**) и, поэтому, цитую по текстамъ, приводимымъ у комментаторовъ. Существуетъ, по видимому, два варианта: одинъ принадлежитъ комментатору на Ши цзи (Сыма Цян'я), Чжанъ Шоуцзѣ **張守節**, другой — комментатору на Хоу хань шу, Танскому царевичу, носившему титулъ Чжанъ Хуай Тайцзы **唐章懷太子賢**. Последний, по времени своего составленія (676 г.), ранѣе перваго (736 г.) и значительно подробнѣе. Поэтому, я основалъ свой переводъ именно на немъ, включивъ второй въ скобки. Возможно, что вариантъ Ли Шан'я (см. Вэнь сюань чжу) еще древнѣе (по свѣдѣніямъ біогр. слов. Джайлса) и не отличается отъ предыдущаго въ сходныхъ частяхъ.

¹ Этотъ интереснѣйшій матеріалъ ждетъ болѣе достойнаго прикосновенія. Я использую его только въ той части, которая непосредственно относится къ темѣ. Однако, контекстъ обяжетъ меня привести болѣе длинныя части пѣсенъ, чѣмъ то кажется необходимымъ на первый взглядъ.

² Многія части настоящей статьи воспроизводятъ матеріалы, послужившіе для моего сообщенія 12 ноября 1910 г. въ Русск. Геогр. Общ. объ этомъ божествѣ («Цай-шэнь, китайскій богъ денежнаго обилія; его иконы, культъ и символы благоволенія, по народнымъ картинамъ и амулетамъ»), до сихъ поръ не обработаннаго въ печатномъ видѣ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго обилія матеріала, который трудно исчерпать.

3. Лянь сянь чжуань **列仙傳** «Повѣствованія о замѣчательныхъ святыхъ людяхъ (безсмертныхъ)», числомъ 71. Объ этой книгѣ, ошибочно приписываемой то I вѣку до Р. Хр. (ученому Лю Сян'ю), то III—IV—по Р. Хр. (Вэй'скимъ магамъ), см. краткія замѣчанія Уайли (Wylie, Notes on Ch. Lit., p. 175, перваго изданія 1867 г.) и ихъ оригиналь—рецензію сокращеннаго императорскаго каталога (Сы ку цюань шу цзянь минъ мулу, гл. 14, стр. 42 г.). Нужно еще отмѣтить, что въ своей рецензіи на сочиненіе миссіонера Вигера (Wieger) о даосизмѣ (см. Journ. As., Juill.—Août 1912, p. 149) проф. Пеллио (Pelliot) признаетъ это сочиненіе древнею поддѣлкой (подъ автора) и приводитъ вполнѣ убѣдительныя тому доказательства. Въ небогатыхъ даосскими текстами бібліотекахъ Петрограда находимъ, напримѣръ, иллюстрированное изданіе 1833 г., имѣющее слѣдующій подробный заголовокъ: «Цзай цы танъ» синь цюань сю сянь Лянь сянь чжуань **在茲堂新鑄繡像列仙傳**, который указываетъ на издательскую фирму, неизвѣстно гдѣ находящуюся, или же находившуюся. Это изданіе выставляетъ «авторомъ» нѣкоего Хунъ Цзычэн'а, по прозвищу «Даосъ, Вернувшійся къ Первоначалу» (**洪生自誠氏還初道人**), но является простою копіей оригинала, съ незначительными лишь уклоненіями. (Къ темъ статьи относится лишь хвала Ханьшань-цзы, въ главѣ 4, стр. 10 г.).

4. «Юе дань танъ» сянь фо ци цзунъ хэ кэ **月旦堂仙佛奇踪合刻** «Чудесные слѣды (дѣяній) безсмертныхъ (даосовъ) и буддъ (буддистовъ). Соединено въ одно изданіе фирмой (?) «Юе дань танъ». Эта книга въ первой своей части, по содержанію и по иллюстраціямъ, есть буквально то же, что и первая. Во второй же части, въ гл. 7 (стр. 15—18, по старому изданію моей коллекціи, не посящему, къ сожалѣнію, никакихъ бібліографическихъ примѣтъ) находимъ оригинальныя изображенія монаховъ Ханьшань-цзы и Шидэ-цзы съ жизнеописаніями.

5. Шэнь сянь чжуань **神仙傳** «Повѣствованія о духахъ и святыхъ-безсмертныхъ», составленныя Гэ Хун'омъ (см. Wylie, стр. 175 и Сы ку ц. ш. цз. м. м. лу, 14, л. 44 г.). Въ этомъ сочиненіи см. біографіи Ханьшань-цзы и Шидэ-цзы (рукопись моей коллекціи снабжена рисуночными ихъ изображеніями).

6. Хоу Хань шу **後漢書** «Исторія второй (дин.) Хань», принадлежащая Фань Ё **范曄**, ум. въ 445 г. по Р. Хр. Въ главѣ CV, на стр. 4 (по фототипическому воспроизведенію императорскаго изданія 1739 г.) комментаторъ, датированный 676 годомъ, сообщаетъ текстъ анекдота изъ Шо юань (см.), котораго я держался.

7. Ши цзи **史記** «Историческія Записи» Сыма Цян'я (I в. до Р. Хр.). Въ главѣ LXXIX, на стр. 1 v (по фототипическому воспроизведенію императорскаго изданія 1739 г.) комментаторъ Чжанъ Шоуцзѣ, датированный 736 годомъ, даетъ текстъ анекдота о башнѣ изъ шашекъ и яицъ, ссылаясь на Шо юань (см.), гдѣ я отыскать его, однако, не могъ.

8. Вэнь сюань чжу **文選注** «Толкованія на Изборникъ изящной литературы (вэнь)», принадлежащія автору VII вѣка Ли Шан'ю **李善**. Его вариантъ анекдота-притчи о башнѣ изъ яицъ и шашекъ (Вэнь Сюань, гл. 6, стр. 16 v, по общедоступному изданію фирмы Хай лу сюань **海錄軒**) (см. Шо юань), пожалуй, самый ранній, но менѣе подробный, нежели тотъ, на которомъ я основывался (см. еще Хоу Хань шу).

Два сочиненія, въ которыя случайно попали свѣдѣнія о Ваньхуй Гэгэ, и которыя, за неимѣніемъ ихъ, приходится цитовать по сочиненію Хуанъ Болу. О послѣднемъ будетъ рѣчь ниже). Ихъ названія:

9. Лянь цзинъ (синь?) цзи **兩京(新)記** «Объ обѣихъ столицахъ», соч. Вэй Шу **韋述**, жившаго при Танъ (VIII в., по Wylie, стр. 45); и

10. Танъ бинь лу **談賓錄** «Разговоры гостей (?)», сочиненіе неизвѣстнаго мнѣ содержанія.

11. Тай пинъ гуанъ цзи **太平廣記**, извѣстная энциклопедія чудесныхъ повѣствованій, составленная между 977 и 983 годами по Р. Хр., приходящимися на царствованіе, титулуемое Тай пинъ синъ го. Это сочиненіе цитуетъ вышеуказанныя: «Танъ бинь лу» и «Лянь цзинъ цзи», рассказъ которыхъ о Ваньхуй Гэгэ, повидимому, является первою версіей. Здѣсь же (гл. 55) находимъ свѣдѣнія о монахѣ Ханьшань-цзы и его другѣ Шидэ-цзы.

12. Синь минь гуй чжи, или, точиѣ, Синь минь шуань сю вань шэнь гуй чжи **性命雙脩萬神圭旨** «О выработкѣ (въ себѣ) первородной истины и первороднаго ээира. О драгоцѣнной сущности всѣхъ духовъ». Это — сборникъ небольшихъ иллюстрированныхъ статей, излагающихъ самые разнообразныя пункты ученія эзотерическаго даосизма, какъ-бы его катехизисъ. О немъ см. Wylie, Notes, p. 178; Васильевъ, Матеріалы для ист. кит. лит., стр. 227. Авторъ книги неизвѣстенъ. Она обычно относится къ сунскому періоду. — Среди статей замѣчаемъ «Картину Жабьяго (= Луннаго) Свѣта и объясненіе къ ней» (**蟾光圖說**). «Картина» графически изображаетъ лунную эманацию, но весьма далека отъ настоящаго «объясненія» роли жабы въ созданіи этого причудливаго образа.

13. Чунь чжу цзи вань **春渚紀聞**, разные замѣтки и наброски сунскаго полиграфа Хэ Юан'я **何遠** (судя по опредѣленію каталоговъ библиотекъ цунъ-шу, а также каталога библиотеки Токиосскаго Университета). Ту шу цзи чэнъ (IV, 18, 252, 29, 10), къ которому, за неимѣніемъ подъ рукою оригинала, приходится обратиться, цитуетъ длинное повѣствованіе о явленіи на землю новообращеннаго даоса Лю Хайчжан'я для «перевода» людей въ безсмертныя.

14. Дунъ сюань би лу **東軒筆錄** «Замѣтки, набросанныя въ Восточномъ Павлионѣ», и принадлежащія сунскому Вэй Тай'ю (Даофу) **魏泰 (道輔)**, известному также и подъ другимъ псевдонимомъ (Линь хань цзюй ши **臨漢居士**). Въ этомъ сочиненіи мы опять находимъ рассказъ объ одномъ изъ чудесныхъ явленій Лю Хайчжан'я въ міръ для разрѣшенія отъ «святой утробы» одного даоса, готовящагося стать безсмертнымъ. Цитуется также по Ту шу цзи чэнъ (I. с.). См. Wylie, Notes, p. 157.

15. Дао цзань цзи яо **道藏輯要** «Собраніе важнѣйшихъ статей Даосскаго Канона», т. е. сокращенное его изданіе. Дата неизвѣстна, но, вѣроятно, не изъ позднихъ. Объ этомъ сочиненіи и объ экземплярѣ библиотеки Петроградскаго Университета свѣдѣнія у Васильева (приобрѣвшаго его) въ «Матеріалахъ по ист. кит. лит.», стр. 225. Статьи Канона, использованныя здѣсь, слѣдующія:

16. Люй Ди шэнь цзи цзи яо **呂帝聖蹟紀要** «Важнѣйшія свѣдѣнія о святыхъ дѣяніяхъ Государа Люй'я (Люй Дуньбин'я)» (томъ «Би», часть 5). На стр. 30 находимъ статью «(Лю) Хайчжанъ достигаетъ Дао» (съ помощью, конечно, Люй'я), представляющую собой краткое его жизнеописаніе до встрѣчи съ «Государемъ» и послѣ ея.

17. Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи **金蓮正宗紀**, по характеристикѣ Вигера (Wieger, L. Taoïsme. Tome I. 1911, № 170): «Histoire des Tchenn (чжэнь — истинныхъ) даосовъ» spécialement estimés par Khoubilai, premier empereur de la dynastie Yuan». Находится въ томѣ И **翼**, части 8, гдѣ, на стр. 6, находимъ очень подробное жизнеописаніе «Хайчжан'я, Лю Истиннаго» (Хайчжанъ Лю Чжэньжэнь), сопровождаемое ритмическою «хвалой» (цзань), которая отмѣчаетъ главнѣйшіе пункты его «святыхъ» достижений.

18. Цзинь лянъ чжэнь цзунъ сянь юань сянь чжуань **金蓮正宗仙源像傳**, — портретная галерея къ предыдущему сочиненію, съ отчасти новыми вариантами біографій (Вигеръ, № 171: «semblable (?) au précédent, avec portraits»). Хайчжанъ-цзы изображенъ въ обычной позѣ ученаго даоса. Біографія, слѣдующая за его изображеніемъ, повторяетъ вкратцѣ свѣдѣнія, уже известныя изъ предыдущаго сочиненія, но не безъ вариантовъ, и съ новымъ величаніемъ въ концѣ статьи. Предисловія къ этой книгѣ, сообщающія о ея авторахъ, датированы 1326 и 1327 гг.

19. Чжи чжэнь гэ **至真歌**, приписываемая Хайчжанъ Ди Цзюнь «Государю (Лю?) Хайчжан'ю «Пѣсья о Выспренне-Истинномъ». Насколько приписываемое Лю авторство справедливо, — неизвѣстно. Въ «Пѣсни», во всякомъ случаѣ, нѣтъ свѣдѣній и намековъ на божественную жабу, имя которой носить авторъ. Томъ Куй, ч. I, стр. 1—3.

20. Юй цинъ цзинь сы цинъ хуа би вань цзинь бао нэй лянъ дань фа (цаюе?) **玉清金笥青華秘文金寶內鍊丹法 (訣)**, по опредѣленію Вигера (№ 237): «Traité de morale physique (?), par le célèbre **張平叔** Tchang-p'ingchou...

de Sung. L'âme, le coeur, la matière. Mens sana in corpore sano (!). На стр. 23 (того же тома Куй и той же части, что и предыдущее сочинение) находим «Картину сияния жабы», стихи и «разсуждение». Очевидно, все это является источником статей, указанных выше въ Синъ минъ гуй чжи, ибо подробнѣе и безъ вульгаризмовъ. Излучение луны изъ «морской жабы» представлено съ особой четкостью.

21. Бэнь цао ганъ му **本草綱目**, извѣстное сочиненіе, описывающее травы, деревья, минералы, животныхъ и пр., съ точки зрѣнія, главнымъ образомъ, медицинской. Авторъ — Ли Шичжэнь (Дунби) **李時珍 (東璧)**, жилъ при Минъ (болѣе точныхъ свѣдѣній нѣтъ). Сочиненіе его стало извѣстнымъ въ XV — XVI вв. (Wylie, Notes, p. 80). — Въ главѣ 42-ой находим собраніе всѣхъ свѣдѣній о жабѣ-чжань, повторенныхъ потомъ въ Ту шу цзи чэн'ѣ (I. c.). Кроме того, въ предшествующихъ тексту иллюстраціяхъ находимъ изображеніе этой жабы, имѣющей *нормальный* видъ.

22. Соу шэнь цзи **搜神記** «Исканіе духовъ (божествъ)», — вульгарное, но очень интересное для насъ, какъ откровенное, — повѣствованіе о божествахъ китайской народной религіи. Wylie (стр. 154), заимствующій, обыкновенно, свои взгляды изъ пересказываемаго имъ сокращеннаго императорскаго каталога (Сы ку цюань шу цзянь минъ му лу), третируетъ эту книгу, какъ «едва достойную названія китайской книги», но тутъ же указываетъ, что она была предметомъ вниманія европейскихъ изслѣдователей и переводилась (частями). Дѣйствительно, въ этой книгѣ европеецъ найдетъ свѣдѣнія — вѣрно, что краткія и недостаточныя, — о тѣхъ народныхъ вѣрованіяхъ (Wylie почему-то считаетъ, что въ книгѣ рѣчь идетъ объ «идолахъ»), о которыхъ молчатъ лицемѣрные китайскіе изслѣдователи старины и «нравовъ». Въ «исправленномъ и дополненномъ» изданіи (Библиот. Петр. Унив., Хул. 694), не имѣющимъ, къ сожалѣнію, даты, титулъ распространенъ въ такомъ видѣ: Чунъ цзэнь сань цзяо юань лю шэнь ди фо шуай (ши?) соу шэнь да цюань **重增三教源流聖帝佛帥 (師?) 搜神大全**, т. е. «О началѣ (всѣхъ) трехъ ученій (религій), о совершенныхъ государяхъ, о буддійскихъ патріархахъ и объ «исканіи духовъ». Изданіе окончательно дополненное. Въ первой главѣ (стр. 26, verso) находимъ странный разсказъ о Ваньхуй гэгэ (Ваньхуй го го гунъ).

23. Чунъ динъ тянь тай шанъ фанъ вай чжи яо **重訂天台山方外志要** — «Описаніе «внѣмрнаго» (монастырей и пр.) въ горахъ Тяньтай», соч. минскаго монаха У Цзинъ **無盡**; изданія 1767 г. (Аз. Муз., Аз. Деп., № 134). Въ главѣ 6-й (стр. 6 и 7) находимъ написанныя причудливымъ языкомъ біографіи монаховъ Ханьшань-цзы и Шидэ-цзы.

24. Ли (на обложкѣ: Лѣ) дай сянь ши, или, вѣрнѣе, — какъ выясняется изъ предисловія, — Чунъ сю (динъ) ли дай сянь ши **重修 (訂) 曆 (列) 代仙史** «Исторія святыхъ (безсмертныхъ) всѣхъ эпохъ (династій)», составленная, судя по предисловію, Ванъ Цзяньчжанъ (Каньтан)омъ, по прозвищу Юйчу-цзы, или Юйчу-чжэньжень **真人姓王氏. 諱建章. 字肯堂** (1645—1718) въ 1675 году. Изданіе (второе?) 1881 г. (Библиот. Петр. Унив., Хул. 1652) выполнено съ рѣдкою для такихъ книгъ тщательностью и заключаетъ въ себѣ біографіи святыхъ, расположенныя хронологически. Въ главѣ III (стр. 41, verso) — повѣствованіе о Ханьшань-цзы. Въ главѣ IV (стр. 5, verso) — о Лю Хайчжан'ѣ.

25. Си ху ю лань чжи **西湖游覽志**, и Си ху ю лань чжи юй **餘**, «Замѣтки и наблюденія на прогулкѣ по (знаменитому) Западному Озеру (въ Ханъ Чжоу)», соч. Тянь Жучэн'а (прозв. Шухэ) **田汝成 (叔禾)**, жившаго въ XVI вѣкѣ. Это сочиненіе, не смотря на названіе (какъ это часто случается), занимается беллетристическимъ описаніемъ знаменитыхъ мѣстъ, строеній, людей и размышленіями по этому поводу, являющимися элегантною ученостью автора. Хуанъ Болу (см.) цитуетъ, очевидно, послѣднюю главу: «О тайномъ и непостижимомъ, и о моихъ недоумѣніяхъ передъ нимъ» (**幽怪傳疑**). Эти свѣдѣнія я заимствую изъ весьма полезной своею тщательностью японской бібліографіи китайской литературы (**漢籍解題**), изд. въ послѣднее время (стр. 617).

26. Ли дай шэнь сянь тунъ цзянь **歷代神仙通鑑**, «Исторія духовъ и святыхъ всѣхъ временъ (династій)», названная «Проникновеннымъ Зерцаломъ», въ подражаніе извѣстному труду Сыма Гуан'а (Цзычжи тунъ цзянь), и съ указаніемъ на связность повѣствованія, которому предшествуютъ характеризующіе данный рассказъ заголовки-фразы. Объ этомъ сочиненіи XVIII в. см. Wylie, стр. 178 — 179. Въ изданіи, имѣющемся у меня подъ рукой (Унив. Библ., Хул. 231) и едва ли не первомъ (1712 г.?), въ главѣ 18, рассказъ № 3 носитъ названіе: «Хайчжань-цзы, бросивъ службу, выработывается въ безсмертнаго» (**海蟾子棄職修仙**).

27. Цзи ши тунъ цзянь **記史通鑑**, другое изданіе этого же сочиненія. Рассказъ о Лю Хайчжан'ѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ и безъ вариантовъ, помѣщенъ въ гл. 32.

28. Сы ку цюань шу цзянь минъ му лу, — неоднократно уже упоминавшійся сокращенный каталогъ императорской бібліотеки Цянъ Лун'а, — въ гл. 15 (стр. 6 г.) даетъ рецензію на сборники стихотвореній буддійскихъ монаховъ Ханьшань-цзы и Шидэ-цзы (**寒山子詩集二卷附豐干拾得詩一卷**). То же въ полномъ кат. — гл. 149 (2v).

29. Шянь си тунъ чжи **陝西通志**, «Описаніе губерніи Шянь (Шэнь) си», вновь составленное комиссіей 68 ученыхъ въ 1735 г. Въ главѣ 65-ой находимъ жизнеописаніе Лю Хайчжан'я, подъ страннымъ именемъ Лю Чжэ, а нѣсколько далѣе — рѣчь о Чжанъ Мынцян'ѣ, его ученикѣ. Судя по даннымъ предисловія, эта статья оставлена въ томъ же видѣ, въ какомъ ее написалъ авторъ предыдущей редакціи «Описанія» Цзя Ханьфу, бывший губернаторомъ въ 1662 г. Однако, при сравненіи версіи этого «Описанія» съ цитатой Ту шу цзи чэн'а, отмѣчаемъ варианты, очевидно, принадлежащіе статьѣ Цзя Ханьфу, но оставшіеся въ пренебреженіи у позднѣйшихъ авторовъ, которые, по скверному обычаю, не сообщаютъ о вводимыхъ ими измѣненіяхъ.

30. Цзи фу тунъ чжи **畿輔通志**, «Описаніе Столичной Области», т. е. Пекина и окрестностей, составленное такъ же, какъ и предыдущее, въ 1735 г. Въ главѣ 85-ой — біографія Лю Хайчжан'я, подъ именемъ Лю Сюаньин'а, даетъ свѣдѣнія болѣе подробныя, нежели тѣ, которыя мы находимъ въ цитующей ее энциклопедіи Ту шу цзи чэнъ, что, по-прежнему, надо объяснить разницею редакцій, о которой въ энциклопедіи всегда умалчивается.

31. Гуанъ Сюй Шунтянь-фу чжи **光緒順天府志**, «Описаніе (Пекинской) области Шунтянь-фу», составленное комиссіей 50-ти лучшихъ археологовъ, во главѣ съ Ли Хунчжан'омъ, и оттиснутое съ досокъ въ періодъ 1884—86 гг. Въ главѣ 113-ой находимъ жизнеописаніе Лю Хайчжан'я, подъ именемъ Лю Юаньин'а, въ отдѣлѣ династіи Ляо. Эта версія подробнѣе обѣихъ предыдущихъ и, повидимому, гораздо аккуратнѣе ихъ. По крайней мѣрѣ, указаны источники свѣдѣній (за неимѣніемъ ихъ въ оригиналѣ, трудно, къ сожалѣнію, ихъ провѣрить), даже главы — что уже рѣдкость — и, наконецъ, даны кой-какія примѣчанія. Эта версія легла въ основу излагаемой въ настоящей статьѣ біографіи Лю Хайчжан'я.

32. Ляо ши ши и **遼史拾遺** «Дополненія къ исторіи династіи Ляо», сочиненіе Ли Нго (Дахунъ) **厲鶚 (大鴻)**. Первое изданіе, судя по предисловію, было въ 1743 г. Въ главѣ 21, стр. 14 v (по второму изданію 1875 г., фирмы Чжэнь ци танъ **振綺堂**) помѣщена біографія Лю Цао (Лю Юаньинъ), изложенная по Шэнь сянь тунъ цзянь (**薛大訓神仙通鑑**), съ двумя вариантами, едва ли не ошибочными.

33. Тунъ су бянь **通俗編**, «Книга о народныхъ вѣрованіяхъ и сужденіяхъ», расположенная по системѣ китайскихъ энциклопедій, т. е. по сюжетамъ, начиная съ неба. Авторъ ея — Ди Хао (Цинцзянь) **翟灝 (晴江)**, «докторъ»-начетчикъ съ 1754 г. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ этой книги, приходится довольствоваться извлеченіями изъ нея, сдѣланными — будемъ надѣяться, правильно и точно — авторомъ нижеслѣдующаго сочиненія, Хуанъ Болу.

34. Цзи шо цюань чжэнь **集說詮真** «Veritas collectis textibus demonstrata, auctore P. Petro Hoang, Sacerdote ex clero Missionis Nankinensis. — Auctor historiam idolorum

ex paganis auctoribus depromptam exhibens, absurditatem cultus illorum demonstrat: dein exponit in appendice, 1° argumenta quae Dei existentiam probant; 2° historiam religionum Fo, Lao-tse et Litteratorum; 3° regulas quasdam criticis historicae cum tabella chronologica». (См. некрологъ автора этой книги, составленный пр. Кордье и помѣщенный въ T'oung Pao, 2 сер., т. 11, 1910 г., стр. 139—141). Авторъ этой книги, китаецъ-священникъ (католикъ) Хуанъ Боу (Феймо) **黃伯祿 (斐默)**, или, какъ видно изъ предыдущаго, о. Петръ Хуанъ (Hoang) — авторъ очень важныхъ трудовъ, помѣщенныхъ въ серіи Variétés Sinologiques, издающейся въ шанхайскомъ монастырѣ іезуитовъ (Зикавэй). О нихъ см. вышеупомянутый некрологъ. Сочиненіе Хуанъ'a состоитъ изъ шести китайскихъ томовъ (цзюанъ'ей) и датировано 1880—1885 гг. На стр. 219—219 bis находимъ сборное изложеніе «cultus illogum», приуроченнаго къ Лю Хайчжан'ю, а на стр. 220 — къ Хэ-Хэ. Несмотря на европейскій обликъ, сообщенный почтенному патеру іезуитскою школою и отчетливо замѣтный въ его сочиненіяхъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ, его китайскія статьи, входящія въ этотъ сборникъ, не поднимаются (если не считать вѣншей опрятности и обилія всякихъ диакритическихъ знаковъ) выше обыкновенныхъ китайскихъ статей. Цитаты неточны, такъ что проверить автора трудно, или даже вовсе невозможно. Можно не сомнѣваться, что въ колоссальной зикавэй'ской библиотекѣ Хуанъ имѣлъ подъ руками всѣ тѣ сочиненія, на которыя онъ ссылается въ своемъ предисловіи и въ самомъ текстѣ книги. Несомнѣнно также, что энциклопедія Ту шу цзи чэнь въ этой библиотекѣ имѣется, какъ почти во всѣхъ извѣстныхъ крупныхъ библиотекахъ. Однако, онъ почему-то на нее не ссылается, и всѣ тѣ сочиненія, которыя въ ней приводятся, т. е. Чунь чжу цзи вэнь, Дунъ сюань би лу, Шань си тунъ чжи, Цзи фу тунъ чжи, Фынъ янь фу чжи др., имѣ — сознательно или безсознательно — не использованы. Кромѣ того, европейская школа могла бы ему подсказать, что, напр., цитируя малоизвѣстное произведеніе нѣкоего Минъ Лайфу **孟籟甫** (да это, вѣроятно, и не подлинное имя автора, а прозвище), подъ названіемъ Фынъ ся би тань **豐暇筆譚** (литературныя замѣтки полиграфа), котораго не знаютъ, напр., ни японская библиографія, названная выше, ни Wylie, надо было бы дать болѣе точныя указанія. А, вѣдь, на показаніи этого сочиненія держится едва ли не вся статья! Нечего говорить о томъ, что, вообще, никакого сужденія о приводимыхъ произведеніяхъ у Хуана мы не находимъ, и они даже не расположены въ какую-либо систему. Такимъ образомъ, матеріалы китайскаго патера, предназначенные, правда, для полуграмотныхъ еще юношей, для насъ такъ же сыры, какъ и всѣ прочіе, и услуга, которую онъ могъ бы легко намъ оказать, осталась неоказанной. Зато онъ проявляетъ въ полной мѣрѣ свою индивидуальность и миссіонерское усердіе, когда «absurditatem cultus eorum demonstrat» (**辨**)! Къ сожалѣнію, эта часть его работы для настоящей статьи совершенно бесполезна. О переводѣ этой книги на русскій языкъ см. далѣе.

35. Ляо вэнь цунь **遼文存**, «Сохранившіеся литературныя памятники эпохи Ляо». Авторъ Мяо Цюань сунь **繆荃孫** (предисловіе его датировано 1895 г.). На стр. 9 в. — двустипшіе Лю Цао (Лю Хайчжанъ) съ трудно объяснимымъ варіантомъ «чжи» **指**. — Затѣмъ, отмѣчаю *альбомы*:

36. Бянь сюань дуй хуа пу **邊玄對畫譜**, имѣющійся въ моей коллекціи, къ сожалѣнію, только въ видѣ отрывковъ (изданіе не позже Минъ, т. е. начала XVII ст.), даетъ рисунокъ монаховъ Ханьшань-цзы и Шидэ-цзы (гл. I, стр. 24).

37. The Kokka (**國華**). An illustrated monthly journal of the fine and applied arts of Japan and other eastern countries. The Kokka Co. Yazaemoncho. Kyobashiku. Tokyo. Japan. — Въ цѣломъ рядѣ номеровъ этого выдающагося журнала мы находимъ великолѣпныя воспроизведенія китайскихъ и японскихъ картинъ, изображающихъ монаховъ Ханьшань-цзы и Шидэ-цзы. Тутъ же тексты (англійскій, французскій, японскій), рецензирующіе картину. См. №№ 7, 14, 17, 40, 48, 78, 138, 181, 187, 199, 223, 249, 264, 293, 298.

38. Шэнь чжоу го гуанъ цзи **神州國光集**, «Собраніе національныхъ блесковъ (шедевровъ) Священной Страны (=Китай)» — журналъ, выходящій въ Шанхаѣ (нынѣ подъ именемъ Шэнь чжоу да гуанъ **神州大觀**, начиная съ № 22, 1912 г.) и посвя-

щенный воспроизведенію рѣдкихъ картинъ, рукописей, эстампажей — и, вообще, надписей, — статуи и т. п. Въ первомъ выпускѣ, за 1908 г. (**戊申二月第一集**) воспроизведена картина художника Ло Пинъ (Дуньфу, Лянфынь, Хуачжисы-сэнъ) **羅聘** (遯夫。兩峰。花之寺僧。), изображающая монаховъ Ханьшань-цзы и Шидэ-цзы и снабженная сверху стихотворной надписью самого же автора. Въ текстѣ журнала (стр. 4; остальная часть журнала не имѣетъ пагинаціи) приводятся двѣ біографіи этого художника, извлеченныя изъ двухъ разныхъ сочиненій о художникахъ и поэтахъ: Ху хай ши чжуань **湖海詩傳** (авторъ — известный археологъ Ванъ Чанъ (Дэфу) **王昶** (德甫) 1724—1806; см. Біогр. Слов. Джайлса, № 2137) и Мо линь цзинь хуа **默林今話** (авторъ имѣ неизвѣстенъ). Первая біографія короче второй, но обѣ трогательно сходятся въ одномъ примѣчательномъ качествѣ: не имѣютъ никакихъ датъ. Впрочемъ, то, вѣроятно, вина цитующаго, ибо, судя по пространной рецензії японскаго біографа (упомянутаго выше), въ первой изъ нихъ собраны свѣдѣнія за очень опредѣленный періодъ (1712—1803) и, слѣдовательно, — какъ то и подобаетъ археологу-автору, — всѣ датированы. Дѣйствительно, въ словарѣ художниковъ: Ли дай хуа ши хуй чжуань (гл. 21) находимъ точную дату его жизни: 1733—1799. Изъ этихъ біографій явствуетъ, что авторъ соединилъ въ себѣ таланты поэта и художника (какъ поэтъ, онъ имѣетъ псевдонимъ «Убогій кабинетъ въ благоговонной листьѣ» Сянъ Ы цзо танъ **香葉草堂**). Въ картинахъ ему наиболѣе удавались изображенія бѣсовъ (**鬼趣圖**), видѣніями которыхъ онъ былъ одержимъ. Очевидно, и данное изображеніе юродиво-дикихъ монаховъ близко подходитъ къ его экспансивной специализации.

39. Альбомъ японскаго художника Хокусай (**北齋漫畫**) въ великолѣпной ксилограммѣ 1878 г., имѣющейся въ Азиатскомъ Музеѣ, въ концѣ четвертой тетради-тома (стр. 19 v.), помѣщаетъ изображеніе Хэ-Хэ (**和合神**) въ трактовокѣ, интересной нѣкоторыми деталями.

— Изъ справочныхъ пособій наиболѣе цѣннымъ является извѣстная гигантская энциклопедія

40. Ту шу цзиченъ, въ четвертомъ отдѣлѣ которой (шанхайское малое изданіе, IV, 18, 252, 29, 10 г.) находятся біографія Лю Хайчжан'я и извѣстія о его явленіяхъ міру, извлеченныя изъ сочиненій, упомянутыхъ уже выше: Чунь чжу цзи вэнь, Дунъ сюань би лу, Цзи фу тунъ чжи и Шань си тунъ чжи. Двухъ первыхъ сочиненій, къ сожалѣнію, въ настоящее время въ петроградскихъ бібліотекахъ не имѣется, но и они, повидимому, потерпѣли отъ прикосновенія почтенныхъ экстракторовъ — сотрудниковъ энциклопедіи, цитующихъ свѣдѣнія изъ двухъ послѣднихъ источниковъ неточно, то добавляя, то сокращая тексты, то, наконецъ, пользуясь вариантами, находящимися въ противорѣчьи съ общимъ контекстомъ. Далѣе, въ IV, 19, 185 — въ главѣ о жабѣ — мы находимъ большія извлечения изъ разныхъ писателей, начиная съ Эр Я и толкованій на него, и кончая медицинскими рецитами изъ Бэнь цзо ганъ му. Особо интересными для данной статьи нужно считать рассказы о чудесахъ жабы, извлеченные этою энциклопедіей изъ недоступныхъ сочиненій, въ чемъ, впрочемъ, и заключается ея главное достоинство.

— Далѣе, отмѣчу весьма важныя справочныя пособия, конкордансы, какъ то:

41. Пэй вэнь юнь фу, а также

42. Пянь цзы лэй бянь (дающій, напр., въ гл. 224 цѣлый рядъ поэтическихъ примѣчаний «жабы») оба на этотъ разъ не даютъ важныхъ ссылокъ и указаній, — какъ того и слѣдовало, впрочемъ, ожидать по самому характеру текстовъ, неохотно регистрируемыхъ экстракторами-писателями суровой литературной школы. Гораздо болѣе полезными оказались словари-конкордансы новаго типа: китайскій

43. Цы юань **辭源**, составленный комиссіей изъ 50 членовъ, во главѣ съ Лу Эркуй'емъ **陸爾奎** и изданный въ 1915 г. шанхайскимъ Commercial Press (Шанъ у инъ шу гуань), и японскій

44. Kojijukugodaijiten 故事熟語大辭典, составленный въ 1913 г. Въ этихъ пособіяхъ я нашелъ свѣдѣнія о Хэ-Хэ и Лю Хар'ѣ, давшія мнѣ толчокъ ко многимъ поискамъ, которыя и привели къ тѣмъ или инымъ результатамъ (см., напр., Цы юань I, цзы, 338; I, чоу, 56; II, шэнь, 143 и пр.; Яп. Конк., стр. 1028, 1734 и пр.).

Европейская литература настоящаго предмета, можно сказать, почти отсутствуетъ, если не считать разбросанныхъ тамъ и сямъ краткихъ свѣдѣній общаго характера и нѣкоторыхъ переводовъ. Послѣдніе, однако, — сырой матеріалъ. Въ слѣдующихъ сочиненіяхъ можно найти нѣкоторыя указанія, помогающія уясненію предмета настоящей статьи (въ томъ же хронологическомъ порядкѣ):

45. Scarborough, W. A. Collection of Chinese Proverbs. Sh., 1875. Рядъ пословицъ, собранныхъ здѣсь, относится къ предмету настоящей статьи ближайшимъ образомъ.

46. Arendt, C., The Danger of Piled-up Eggs», въ China Review, т. XIV, № 2, стр. 65—66 (1885 г.). Въ этой статьѣ разбирается анекдотъ о башнѣ изъ шашекъ и яицъ, легшій въ основу жизнеописанія Лю Цао (Лю Хар'а). Авторъ упустилъ изъ виду, что этотъ анекдотъ цитируется комментаторомъ на Сыма Цян'я (см. Ши цзи) и его, въ общемъ, правильный переводъ не точенъ и не вводитъ вариантовъ. Поэтому, я счелъ нужнымъ въ дальнѣйшемъ дать новый переводъ. Разсужденія автора о томъ, какъ именно былъ расположенъ неудобный для постройки башни матеріалъ, не играетъ для меня никакой роли, ибо въ анекдотѣ съ Лю Цао этотъ матеріалъ нѣсколько иной, да и число слагаемыхъ не то, въ какомъ бы вариантѣ мы его ни взяли.

47. Smith, A. H. The Proverbs and Common Sayings of the Chinese. Sh., 1888 (напр., на стр. 89 о Лю Хар'ѣ въ поговоркахъ).

48. Harlez, Ch. de. 神仙書 Shen-Sien-Shu. Le livre des esprits et des immortels. Essai de mythologie chinoise, d'après les textes originaux par... (Mém. de l'Ac. Roy. des Sc... de Belgique, tome LI, Mai—Sept. 1893). Объ этомъ странномъ сочиненіи говорится съ достаточною убѣдительною въ нижеслѣдующемъ трудѣ П. С. Попова, доказывающаго полную несостоятельность перевода Н. путемъ пѣлаго ряда сопоставленій его съ текстомъ. Какъ совершенно справедливо замѣтилъ П. С. Поповъ, считается съ этой книгой, какъ съ серьезнымъ трудомъ, нельзя. Дѣйствительно, и въ той статьѣ Хуанъ Болу, которую выпустилъ П., но которая переведена у Н. и подвергалась бы учету въ настоящей статьѣ, — у Н. столько ошибокъ, странныхъ и грубыхъ, что лучше совершенно обойти ее молчаніемъ, чѣмъ возражать на каждую ошибку. Къ счастью, такихъ ученыхъ трудовъ, похожихъ скорѣе на гимназическое extempore, въ концѣ XIX вѣка уже почти не встрѣчается.

49. Stewart Lockhart, J. H. The Currency of the Farther East from the earliest times up to the present day. I—II. Hongkong, 1895. Въ описываемой этимъ авторомъ коллекціи Glover'a встрѣчаются монетовидные амулеты («Coins used as amulets»); своими рисунками и надписями ближайшимъ образомъ входящіе въ составъ прямого матеріала для данной статьи.

50. Giles, H. A. A Chinese Biographical Dictionary. 1898. — № 1309 посвященъ биографіи Лю Сюаньн'а, рассказанной популярно и прямо сопоставляющей этого Лю съ «играющимъ».

51. Grube, W. Zur Pekinger Volkskunde (Ver. a. d. Kgl. Mus. f. Völkerkunde). Berlin 1901. Въ этой превосходной работѣ попадаются свѣдѣнія о предметѣ данной статьи, но, къ сожалѣнію, далекія отъ полноты.

52. Chavannes, Ed. De l'expression des vœux dans l'art populaire chinois (J. A., Sept.—Oct. 1901, pp. 193—233). На стр. 225 этой, также превосходной, статьи находимъ гипотезу объ изображеніи Лю Хар'а, подлежащую нашему самому серьезному вниманію и обсужденію.

53. Поповъ, П. С. Китайскій Пантеонъ (Сб. Муз. Антр. и Этн. им. Имп. Петра Великаго при Имп. Ак. Наукъ, VI, 1907). Въ этомъ переводномъ извлеченіи изъ упомянутаго выше сочиненія китайскаго католическаго священника Хуанъ Болу (въ которомъ покойный синологъ почему-то не узналъ крупнаго имени р. Pierre Hoang, сотрудника Variétés Sinologiques,

автора прекрасныхъ статей и книгъ по исторіи Китая) есть, между прочимъ, статья о Лю Хайчанъ, которая, однако, въ этомъ видѣ для данной статьи является недостаточной и подлежитъ значительнымъ дополненіямъ и передѣлкѣ. Слѣдующая за нею статья о Хэ-Хэ русскимъ переводчикомъ пропущена, такъ что ее пришлось перевести наново.

54. Алексѣевъ, В. М. Описаніе китайскихъ монетовидныхъ амулетовъ и благожелательныхъ медалей изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа. Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Об. XXI. СПб., 1912. Въ настоящей статьѣ приходится снова привлечь рядъ описанныхъ уже номеровъ коллекціи, представляющихъ очередныя звенія общей цѣпи данныхъ.

55. Ивановъ, А. И. Изъ музейныхъ матеріаловъ по религіи китайцевъ. I. Богъ богатства (Сб. Муз. Антр. и Этн., т. III. Петроградъ, 1916). См. изображеніе Хэ-Хэ на воспроизводимой народной картинѣ.

56. Штернбергъ, Л. Я. Античный культъ близнецовъ при свѣтѣ этнографіи (тамъ же). Это глубоко интересное сообщеніе является непосредственнымъ вдохновителемъ настоящей статьи, авторъ которой, не считая себя ученымъ этнографомъ, не беретъ на себя смѣлости прямо противѣчить указанію столь авторитетнаго лица, какъ Л. Я. Ш., и даже готовъ былъ заимствовать его терминъ «близнецовъ» для «гениевъ Единства и Гармоніи» (Хэ-Хэ). Однако, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, «близнецность» этихъ «гениевъ», если и не окончательно расходится съ типами, приведенными ученымъ авторомъ въ этомъ трудѣ, то, во всякомъ случаѣ, представляетъ собою разновидность, — авторъ смѣетъ надѣяться — достаточно любопытную, чтобы изученію ея можно было посвятить и время и печатный трудъ.

Перечисливъ всѣ сочиненія, привлеченныя къ настоящему изслѣдованію, надѣюсь, что въ дальнѣйшемъ вполне достаточно будетъ обозначать ихъ кратчайшимъ образомъ, даже безъ ссылокъ на страницы, которыя уже обозначены здѣсь полностью.

II.

Хэ 和 и хэ 合, какъ самостоятельныя понятія. Слитное хэхэ.

Слово хэ 和 выражаетъ (по словарю Канси) понятіе идеальной примирительности, уступчивости, согласованности (順也。諧也.), идеальной середины: «не твердаго и не мягкаго» (不堅不柔也.), той самой неизмѣнной и непреходящей, высшей точки мірового и человѣческаго равновѣсія, что исповѣдана всѣмъ извѣстнымъ и никому еще въ основѣ своей недоступнымъ трактатомъ Чжунъ Юнь (по моей версіи: «О Точкѣ и Дѣйствиіи», по другимъ: «О золотой срединѣ», «О неизмѣнной срединѣ» и т. д.). Это понятіе охватываетъ все доступное для человѣческой мысли, и потому слово, его выражающее, примѣняется въ самыхъ разнообразныхъ текстахъ. Начиная съ идеала космическаго равновѣсія (天地和。陰陽和。六合和。 и т. д.), при которомъ вырастаетъ и дѣйствуетъ высшій, совершеннѣйшій мужъ (онъ же — идеальный царь), понятіе охватываетъ состояніе духа этого человѣка, который въ сей величайшей «гармоніи» (太和) достигаетъ высшаго покоя, ею питается, задерживаетъ ее и «изрыгаетъ» въ «высшемъ звукѣ»¹. Силою этой идеальной точки, непреложнаго центра всего на свѣтѣ, живъ всякій высшій человѣкъ: и совершеннѣйшій царь конфуціанскаго идеала, и

¹ См. мою книгу: «Китайская поэма о позѣ», Петроградъ, 1916 г., стр. 36—37.

дао-царь Лаоцзы и Чжуань-цзы, и ученый (папр., Люй Цзунцян, имѣвший **心平氣和** «сердце ровное и духъ въ равновѣсїи»), и даже художникъ-каллиграфъ въ періодъ нантія (**唐太宗論筆法云。心正氣和。則契子玄妙**). Таково высшее достиженіе лучшей человѣческой личности во всѣхъ ея фазисахъ. Обращаясь къ среднему человѣку, видимъ, что этимъ словомъ *хэ* обозначается равновѣсіе одного среди другихъ, невыставленіе себя изъ массы, всепрілаженность, уступчивый компромиссъ и т. д. Эта согласованность съ другими, домашній и общественный ладъ производятъ всѣ блага жизни. Пословицы гласятъ: «Дома ладно, съ людьми ладно — и всѣ дѣла твои сладятся»¹ (**家和人和萬事和**); «Дома ладно — дѣла процвѣтутъ» (**家和事興**); «Дома ладно — и счастье само собой родится» (**家和福自生**) и т. д. На амулетѣ² также встрѣчаемъ надпись: «Дома ладно — (богатствомъ) превзойдешь всѣхъ» (**家和則勝**), какъ бы подголосокъ пословицы и «счастливыя слова» для носящаго амулетъ. «Духъ согласія и лада» (**和氣 хэци**) приноситъ все благое (**致祥**): богатство (**生財**), долговѣчность (**壽**), обиліе мужского потомства³ и, вообще, является самымъ дорогимъ въ жизни⁴ (**和氣爲貴**). Соединеніе слова *хэ* съ другими чаще всего означаетъ любовь, ласковость, радость, привѣтливость, близость (**和親, |順, 協|, 悅|, 歡|**). Такимъ образомъ, поскольку словомъ *хэ* въ личности высшаго человѣка изображаются ея согласованность съ извѣчною, высшею гармоніей міра и состояніе равновѣсія, сосредоточенное въ нѣкоемъ абсолютномъ центрѣ, постольку для средняго человѣка это равновѣсіе есть идеаль личности, общественно прилаженной, не выдѣляющейся ни въ какую сторону на фонѣ безмятежнаго житія массъ.

Однозвучное (и однотонное) этому слову слово *хэ* **合** означаетъ сцѣпленіе съ чѣмъ-либо, прикрѣпленіе къ чему-либо, тѣсное единеніе. Оно такъ же, какъ и первое, приложимо и къ высшей личности человѣка, «единящаго свою доблесть съ небомъ-землей» (**與天地合其德**), и къ среднему человѣку, видящему идеаль мирнаго житія (**太平。平安**) въ сцѣпленіи съ семьей въ одинъ организмъ. Такъ, на амулетахъ⁵ находимъ крайне характерныя для этого понятія надписи: Ав. «Объединенная (= вся цѣликомъ) семья да возрадуется и возвеселится!» Rev. «Навсегда обезпечь (духъ, амулетъ) ровный покой (=мирное житіе)!»; или, еще характернѣе (на амулетѣ съ тою же лицевой легендой): «Сотнѣ поколѣній *совмѣстно* жить!» (**合家歡樂。永保平安。百世同居**). На амулетѣ, подаренномъ

¹ Scarborough, 846.

² См. Lockhart, 1855.

³ На амулетѣ № 266 моей статьи: Ав. Фу, шу, до нань. Rev. Хэци.

⁴ Списано съ красной наклейки надъ дверью дома въ Пекинѣ.

⁵ Lockhart, 1832, 1845.

къ новому году, читаемъ: Ав. «Единеннымъ клубкомъ, ровнаго покоя!» Rev. «Къ Новому Году (всего) по желанію!» (合團平安。新年如意)。 Изъ этого видно, что идеаль второго *хэ* есть идеаль неразлучаемости. Въ самомъ дѣлѣ, легко встрѣтить текстъ, гдѣ *хэ* съ полною очевидностью представлено обратнымъ слову *ли* «разлучаться, отдѣляться»: «Единеніе — начало разлуки» (合者。離之始也)。 Это — идеаль нерасчлененнаго круглаго клубка, картинно представленный сриемованнымъ сочетаніемъ *туань-юань* 團圓, которое «рисуетъ» округленность, полноту и прилагается чаще всего, въ качествѣ благожеланія, къ супругамъ¹ (夫妻 | |), дополняясь иногда также весьма характернымъ пожеланіемъ «полной соединенности»² (| | 完聚).

Итакъ, поскольку первое *хэ* (和) означаетъ идеаль мирнаго житія, въ смыслѣ согласія, лада, мира, постольку второе *хэ* (合) означаетъ этотъ же идеаль, какъ счастливое единеніе, неразлучаемость членовъ семьи и, вообще, идеаль тѣснаго общества. Оба эти понятія, какъ и слѣдовало ожидать, соединяются между собой, причемъ это сліяніе происходитъ или распространено или сжато. Сліяніе перваго типа мы видимъ, на примѣръ, въ одной изъ самыхъ обиходныхъ формулъ благожеланія³, въ пословицѣ⁴: *И туань* (= *хэ* 合) *хэи* (= *хэ* 和), «Единымъ клубкомъ, въ ладномъ духѣ!» Къ ней, для бѣльшей наглядности и силы, присоединяется еще амулетное запрещеніе: «— и никакой преграды и боязни!» (百無禁忌), или же характерное благожеланіе: «Тысячъ (лань) золота! Всего послушнаго (желанію, твоему или моему)!» (千金百順), или, наконецъ, указаніе на дѣйствительность этого секрета мирнаго житія: «Въ дѣлѣ необходимъ въ единой спайкѣ (въ единомъ клубкѣ) ладный духъ»⁵ (生意中要一團和氣). Въ этой формулѣ, какъ видно изъ предыдущаго, словами «единный клубокъ» картинно выражена мысль второго *хэ* 合, такъ что этотъ типъ сліянія надо приравнять къ лаконическому *хэ²хэ¹* 合和, о которомъ нѣсколько далѣе. Популярность ея, повторяю, огромна, особенно на народныхъ картинахъ⁶ и амулетахъ благожеланія, гдѣ она рисуночно представлена въ видѣ круглаго, какъ шаръ (*и туань*), толстяка-малютки, блаженно улыбающа-

¹ На одной народной картинѣ моей коллекціи я встрѣтилъ и самостоятельную формулу, въ видѣ: *Туань-юань* ю цинъ «Да будетъ счастье клубка!» (| | 有慶).

² Примѣры изъ словаря Куврѣра, переводящаго *туань-юань* черезъ: «rond, entier, complet, former un tout complet».

³ Напр., на амулетахъ (Lockhart, 1803, Алексѣевъ, № 263), или на народныхъ картинахъ (напр., № 1302 моей колл.).

⁴ Scarborough, 205.

⁵ Это — изъ пословицъ.

⁶ №№ 1302 и 1304 моей колл.

гося¹ и держащего въ рукахъ серебряный слитокъ («ямбъ»), какъ пожеланіе богатства, или свертокъ съ надписанной формулой: *И туанъ хэ ци*² (рис. 1³).

Сжатое слияніе обоихъ терминовъ *хэ* въ *хэхэ* (和合 или же 合和, а на неграмотныхъ народныхъ картинахъ: 合合 и даже 哈 (!) 和) можно наблюдать чрезвычайно часто. Начиная, опять-таки, съ высшихъ проявленій космической гармоніи, — каково, наприимѣръ, единеніе - согласіе мужского и женскаго элементовъ природы, производящее собой все живое (天施地化。陰陽和合... 分而爲陰陽。陰陽合和而萬物

Рис. 1.

¹ Нельзя, думается мнѣ, не видѣть въ этой картинѣ вліянія извѣстнаго буддійскаго изображенія щедратаго Майтреи, или, по народной терминологіи, «толстобрюхаго Милэ» (Да дучзы Милэ), отвислые животъ и груди котораго всегда охотно преувеличиваются. Одинъ текстъ, рассказывая объ извѣстномъ ученомъ XI вѣка Чэнъ Хао (Миндао) 程顥 (明道), приравниваетъ его «духъ лада и единенія» и его блаженное радушіе именно къ выраженію «глиняной статуи» (т. е., конечно, Милэ) (伊雜淵源錄。明道先生如泥塑人。及接人。渾是一團和氣). Образъ этотъ чрезвычайно удаченъ.

² Иногда, для разнообразія, живописецъ на свертокѣ пишетъ другую формулу: *Хэ ци шэнъ цай*, «Ладный духъ рождаетъ богатство». Врядъ ли есть предѣлъ этимъ разнообразіямъ. На рис. 1 формула надписана прямо надъ головой толстяка. Слѣдовательно, на этой картинѣ мы имѣемъ и рисунокъ, и прописное его выраженіе.

³ Подробное описаніе рисунковъ дано въ «Приложеніи» къ настоящей статьѣ (стр. 309—316).

生), — согласие-единение является исконным идеалом народных масс, движимых к нему высокою доблестью личности государя. Вот, например, символ государственной вѣры, исповѣдаемый у древняго Гуаньцзы (VII в. до Р. Хр.): «Воспитай (государь) себя въ дао-правдѣ, — и народъ пребудетъ въ согласіи; питай себя дэ-доблестью, — и народъ объединится. Черезъ *согласіе-единеніе* онъ привыкнетъ (къ порядку), а, привыкнувъ, образуетъ «созвучіе» (畜之以道。則民和。養之以德。則民合。和合故能習。習故能諧。) Болѣе поздніе тексты точно такъ же придерживаются этого идеала: «Нынѣ (при Хань) повелитель людей пребываетъ въ *согласованной* (съ небомъ) доблести и находится наверху (общества), а народъ — въ *согласіи и единеніи*, внизу» (漢書公孫弘傳。今人主和德于上。百姓和合于下。); «Государь объединяетъ и *согласуетъ* весь Поднебесный, Внутриокееанский (Китай) на благо всѣмъ живымъ» (一統天下。合和四海。... 四海合和。萬世蒙福。... 若天若地。何不覆載。合而和之者君也。) и т. д. Попрежнему, главнымъ субъектомъ этой формулы благожеланія является супружеская чета (三十之男。二十之女。和合使成婚姻。). Поэтому, на амулетахъ она весьма часто представлена въ такихъ, напримеръ, соединеніяхъ: «Въ *согласіи-единеніи* обоюдной радости!» (和合双喜), «Радостно, радостно (пребывать) въ *согласіи-единеніи*!» (怡怡和合), «Въ *согласіи-единеніи* радоваться-ликовать» (和合歡喜), «Въ *согласіи-единеніи* (всего) по желанію» (Rev.: «Въ радости родить знатныхъ (въ будущемъ) сыновей!»¹) (和合如意。喜生貴子。). Помимо этихъ соединеній спеціальнаго назначенія, формула *хэхэ* сочетается и со всѣми другими благожеланіями, какъ, напр., счастья, долговѣчности (фушоу *хэхэ*) и т. д.

III.

Хэхэ въ рисуночномъ изображеніи. Ребусъ нѣмой и ребусъ оживленный.

Въ прекрасной статьѣ проф. Шаванна, упомянутой выше, съ исчерпывающей убѣдительною изложена особенность китайскаго искусства, которую можно охарактеризовать² какъ манію ребусовъ, заключающихъ въ себѣ благожеланія на всевозможныя темы, въ томъ числѣ и на темы «единенія-согласія» — *хэхэ*³. Обычными символами, превращающими эту формулу въ ребусъ, являются изображенія коробки *хэ* (盒) и лотоса-цвѣтка

¹ Lockhart, 1883.

² Таково мое личное мнѣніе.

³ Эти ребусы обильно представлены также въ моемъ описаніи амулетовъ коллекціи Эрмитажа (напр. №№ 146, 148, 167 и рис. 36).

хэ (荷) — передаваемых, как видно, однозвучно-однотонными, но, конечно, графически совершенно различными¹ словами *хэхэ*. Появление этих символов на картинах, вышивке, амулетах и т. п. несомненно знаменует собою благожелание «единения-согласия» и является, так сказать, пѣвымъ ребусомъ, который встрѣчается и отдѣльно, и въ соединеніи съ другими, какъ, напримѣръ, со слиткомъ (динь) и кистью (би) — для общей формулы: би динь *хэхэ*, съ вазой (пинь) — для образования выраженія: пинь шэнъ *хэхэ*; съ двумя пауками (си) — для формулы: *хэхэ* шуань си, и т. д.² Это явленіе столь свойственно китайскому искусству и въ высшемъ его проявленіи, и въ народно-лубочномъ, что далѣе распространяться о немъ нѣтъ необходимости. Самъ китайскій языкъ, въ которомъ слова означаютъ что-либо определенное только тогда, когда или стоятъ рядомъ съ другими, или же (въ письменномъ языкѣ) представлены особыми графическими картинами (пиктограммами), толкаетъ на подобные ребусы совершенно невольно, безъ желанія сказать каламбуръ. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ весьма серьезныхъ филологическихъ разысканіяхъ китайцевъ (и въ древнее, и въ позднѣйшее время) мы видимъ стремленіе объяснить одно слово черезъ другое по его приблизительному созвучію³, т. е. смотрѣть на одну пиктограмму, какъ на нѣкій ребусъ другой. Этотъ послѣдній методъ разысканій, врядъ ли приемлемый для европейскаго ученаго, становится абсолютно правильнымъ при расшифровке изображеній китайскаго искусства, въ той утилитарной его области, что желаетъ сочетать прекрасныя формы со «счастливыми выраженіями» благожеланія (цзи юй, цзисянь хуа).

Итакъ, *хэхэ* = коробка + лотосъ изображаютъ собою *хэхэ* = «единение-согласіе». Таковъ нѣмой ребусъ этого благожеланія. Искусству оставалось сдѣлать одинъ шагъ для его оживленія путемъ приданія ему фигуръ — хранительницъ символа. Однозвучно-однотонное сочетаніе *хэхэ*, произведшее, какъ мы видѣли — въ произносительномъ своемъ фазисѣ — таковое же рисуночное сочетаніе, привело къ мысли о созданіи и совершенно одинаковыхъ фигуръ, держащихъ въ рукахъ символы, двойниковъ *Хэ* и *Хэ*⁴, которыхъ Л. Я. Штернбергъ считаетъ близнецами, хотя китайскія повѣствованія, какъ сейчасъ увидимъ, ничего не знаютъ объ ихъ одновременномъ появленіи

¹ Отмѣчу, впрочемъ, что *хэ* «коробка» имѣетъ произносительнымъ элементомъ слово *хэ* «единеніе» (合。盒。)

² См. упомянутое описаніе, I. с.

³ Достаточно вспомнить объясненіе труднаго для отчетливаго пониманія слова *дэ* (доблесть, сила) черезъ *дэ* (добиваться, достигать, получать).

⁴ Однако, при описаніи народныхъ картинъ, какъ мнѣ случалось наблюдать, китайскій специалистъ-художникъ не называетъ каждую фигуру однимъ только словомъ *Хэ*, а придаетъ ей полностью двуслогъ *Хэ-Хэ*, т. е. описываетъ, напримѣръ, такъ: «правый *Хэ-Хэ*..., лѣвый *Хэ-Хэ*..., оба *Хэ-Хэ*...» (左手和合。右手||。二||。)

на свѣтъ и этимъ самымъ, на мой взглядъ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что это — искусственно созданные *двойники*, а не близнецы. Позволю себѣ, поэтому, уклониться отъ терминологіи почтеннаго ученаго, охотно допуская, въ то же время, что среди сказаній могутъ встрѣтиться и такія, которыя ясно обозначаютъ ихъ близечность, но это будетъ *post hoc, ad hoc* и *propter hoc*.

Этотъ живой ребусъ изображается въ видѣ двухъ женоподобныхъ юношей или малютокъ¹, стоящихъ рядомъ или же въ симметрическихъ частяхъ картины и держащихъ въ рукахъ по одному изъ предметовъ нѣмого ребуса, т. е. одинъ — коробку, а другой — лотосъ². *Рисунокъ 2* изображаетъ этотъ живой, двойной ребусъ въ наиболѣе чистомъ видѣ³. Японизи-

¹ См., напр., №№ 49 (*рис. 5*), 128 (*рис. 6*), 594, 595, 1308, 1309 и др. моей коллекціи. Надъ ихъ изображеніями народный художникъ иногда надписываетъ, для поясненія, что это и есть *Хэ-Хэ*. Малютки носятъ на головѣ, причесанной, обыкновенно, двумя пучками волосъ среди пробритыхъ лба и темени, цвѣтокъ китайскаго піона (мудань), что усиливаетъ цѣпь благожеланія еще на одно звено: «Богатства, знатности!» (Фугуй), ибо этотъ цвѣтокъ въ просторѣчій (а главное — на языкѣ дѣтей и нянь) называется «цвѣткомъ богатства и знатности» (Фугуй хуор). Кромѣ того, они носятъ на головѣ чисто-дѣтское украшеніе, въ видѣ фигурнаго обруча, несомнѣнно стилизующаго то же самое изображеніе «богатаго» цвѣтка, что называется «цзинь гур» (金箍兒) (см. *рис. 2*). По обычаю китайскихъ народныхъ картинъ, чрезвычайно любящихъ рисовать малютокъ-мальчиковъ (отъ религіозной маніи китайцевъ, вмѣняющей человѣку въ несчастье и нечестіе немнѣние мужского потомства и имѣющей доисторическое происхожденіе), они изображаются голыми, т. е. въ такомъ именно видѣ, въ которомъ они чаще всего попадаются на глаза. Однако, для разнообразія (которымъ, къ ихъ чести сказать, китайскія народныя картины очень выгодно отличаются отъ другихъ), народный художникъ облакаетъ ихъ въ спеціальныя одежды *Хэ-Хэ*, о которыхъ будетъ сказано далѣе, или же въ самыя прихотливыя, плѣняющія туземный глазъ сложнымъ богатствомъ красокъ и тканей.

² Упомянутое уже разнообразіе китайскихъ картинъ (вызываемое, можетъ-быть, также и конкуренціей издателей) производитъ въ этой нормальной схемѣ то существенныя, то несущественныя перестановки. Такъ, напримѣръ, коробка можетъ очутиться не въ рукахъ одного *Хэ*, а подъ его ногами (напр., на № 1087), а иногда и въ рукахъ и подъ ногами (№ 595). Лотосъ можетъ выглядывать изъ раскрытой коробки (№ 595) и т. д. Кромѣ того, въ коробку могутъ быть заключены плоды растенія *божэ*, что создаетъ новый ребусъ: *божэ* + + коробка *хэ* = *хэхэ* (напр., въ № 68). Упорствующіе въ созиданіи ребусовъ художники готовы, для разнообразія, включить въ цѣпь ребуса даже жабу-*ама*, читая *ad hoc* ея названіе по произносительной части перваго знака, какъ *хэма*, но это я считаю излишествомъ. Наоборотъ, весьма часто — вѣроятно, по забывчивости или по небрежности художника — одного (напр., на *рис. 5*) или даже обоихъ нѣмыхъ атрибутовъ у *Хэ-Хэ* не хватаетъ, и, такимъ образомъ, зрителю предоставляется угадывать значеніе этихъ двойниковъ на привычный глазъ, по общей компановкѣ и обязательной симметріи ихъ положеній. Иногда одинъ изъ атрибутовъ замѣщается постороннимъ, напр., извѣстнымъ фигурнымъ предметомъ, которому присвоенъ терминъ *жуи* и который, этимъ самымъ, сообщаетъ зрителю благожеланіе *жуи* «По желанію (твоему, моему)!» О замѣщеніяхъ иного типа будетъ сказано нѣсколько далѣе.

³ Въ совершенно чистомъ видѣ изображенія двойниковъ въ моей коллекціи сейчасъ не имѣется. На данной картинѣ изображена дымка, а въ ней — символы счастья и долговѣчности, что является уже наслоеніемъ благожеланія. См. еще амулетъ № 1793 колл. Гловера (Lockhart), гдѣ двойники *Хэ-Хэ* изображены, какъ иллюстрація благожеланія *Хэ-Хэ* хуань си: «Единенія-согласія, радости-ликованія!»

рованную его картину читатель найдетъ въ своевременно упомянутомъ альбомѣ Хокусая.

IV.

Осложненіе ребуса. Волшебное свойство двойниковъ.

Выше было уже упомянуто о томъ, что формула *хэхэ*, какъ благожеланіе, одна не встрѣчается¹. Ея наиболѣе частымъ спутникомъ является пожеланіе богатства. Такъ, наиримѣрь, на амулетахъ (Lockhart, 1803) встрѣчаемъ надписи: Av. «Единеніе-согласіе родить (тебѣ, мнѣ) богатство!» Rev.: «Во всѣхъ дѣлахъ (твоихъ, моихъ) по желанію!» (和合生財。萬事如意)。 На народныхъ картинахъ прямо надписывается: «Единеніе-согласіе (*и, следовательно, двойники Хэ-Хэ*) приносятъ (подносятъ) драгоценности (деньги, яшмы, золото, серебро и т. д.), копятъ ихъ, помогаютъ (содѣйствуютъ) богатству» и т. д.² (和合獻寶。||聚寶。獻寶助財)。 Иногда же на картинѣ, главнымъ сюжетомъ которой является изображеніе *Хэ-Хэ*, встрѣчаемъ надпись: «Кучи золота, груды яшмы!»³ (堆金積玉)。 Такимъ образомъ, волшебное свойство двойниковъ начинаетъ опредѣляться болѣе точно: они приносятъ дому золото, деньги и, вообще, всяческое богатство.

Это богатство окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Дѣйствительно, уже замѣчено, что въ чистомъ видѣ, т. е. какъ двѣ фигуры съ двумя символами, изображеніе *Хэ-Хэ* встрѣчается чрезвычайно рѣдко, и ребусъ, темою котораго они являются, осложняется до безконечности. Такъ, наиримѣрь, *Хэ-Хэ* ступаютъ по деньгамъ («чохамъ»), разбросаннымъ на полу; въ рукахъ одного *Хэ*, кромѣ лотоса, можетъ также очутиться перль или большая деньга, и т. д. Но главное разнообразіе и сложность рисунка — въ коробкѣ, которая всегда изображается полуоткрытой, причемъ въ ея отверстіи видны круглые перлы, отъ которыхъ исходитъ сіяніе (напр., на *рис. 2*). Это сіяніе вьющимся контуромъ передано въ видѣ дымки, которая заключаетъ въ себѣ все, чего только желаетъ жадная фантазія китайскихъ сребролюбцевъ, т. е. золотые и серебряные слитки, перлы, яшмы, мѣдныя деньги, — въ видѣ отдѣльныхъ монетъ, или же длинныхъ цѣпей, прихотливо принимающихъ (по инерціи орнамента) форму дракона (такъ называемый «драконъ изъ денегъ»), наконецъ — буддійскій символъ «драгоценнаго коня» (*бао ма*), понятый буквально⁴. Всѣ эти вещи летятъ въ корзину или тазъ, которые тутъ же, рядомъ, представлены горящими

¹ Точно такъ же, какъ и чистое изображеніе двойниковъ *Хэ-Хэ*.

² На картинахъ №№ 92, 691 (*рис. 7*), 1309 и др.

³ Напр., на картинѣ № 71.

⁴ См. №№ 92, 361, 385 (*рис. 10*), 468 (*рис. 8*), 594, 1124, 1384, 1387, 1398, 1402.

яркимъ сіяніемъ отъ великолѣннаго содержимаго и предназначаются, какъ пожеланіе, для купившаго данную картину (рис. 10). Наиболее яркимъ изображеніемъ благодѣтельной роли волшебныхъ обогатителей будемъ считать рис. 8, на которомъ двойники Хэ-Хэ представлены устремляющимися въ тучахъ къ дому счастливица и сыплющими въ его дворъ все самое богатое и цѣнное. Затѣмъ, рисунокъ осложняется безъ границъ. На-

Рис. 2.

примѣръ, изъ коробки въ дымкѣ вылетаетъ «денежный драконъ», изрыгающій, въ свою очередь, такую же дымку, въ которой — деньги и проч.; или же, напримѣръ, изъ лотоса вьется дымка, въ которой — коробка, а изъ послѣдней — опять дымка, въ которой — «денежный» драконъ и «цѣнный» конь, и т. д.; описать всѣ разновидности невозможно. Кромѣ того, весьма часто всѣ эти символы и предметы денежнаго обилія соединяются съ символами-ребусами счастья, общаго благополучія (летучая мышь фу 蝠, и счастье фу 福, на рис. 2), долговѣчности (бабочка дъ 蝶, и дъ 耄 старецъ 80-ти лѣтъ) и т. д., помѣщающимися въ той же коробкѣ¹.

Остается еще отмѣтить, что символы денежнаго обилія иногда замѣняютъ одинъ изъ необходимыхъ атрибутовъ Хэ-Хэ, обязательную, казалось бы, составную часть ихъ ребуса. Такъ, напримѣръ, вмѣсто лотоса одинъ изъ нихъ держитъ метлу (для сгребанія въ кучи валящихся съ неба денегъ), подносъ съ «цѣннымъ» конемъ и т. д.² Наконецъ, оба двойника могутъ

¹ См. №№ 71, 127 (рис. 2), 551, 1070 (рис. 4), 1304 и др.

² №№ 68, 1402.

быть лишены своихъ атрибутовъ-ребусовъ, съ замѣной ихъ грубыми изображениями, навѣянными денежнымъ вождельніемъ, какъ, напримѣръ, «деревомъ, отряхивающимъ деньги», «Тазомъ, копящимъ драгоцѣнности» и т. д.¹

Волшебное свойство двойниковъ Хэ-Хэ, заключающееся, какъ мы видѣли, въ низведеніи на домъ счастливецъ денегъ и золота, сближаетъ ихъ— по специальности— съ загадочною фигурой безсмертнаго волшебника, даосскаго святителя и патриарха Лю Хайчжан'я (Лю Хар'а), соединяетъ, сливаетъ ихъ съ нимъ, превращаетъ въ небожителей и помѣщаетъ ихъ въ общую свиту духа богатства и денегъ, Цай-шэн'я.

V.

Лю Харъ. Его изображенія. Лю Харъ и Хэ-Хэ.

Передъ нами— безконечный рядъ картинъ, изображающихъ смѣющагося человѣка съ распущенными, растрепанными волосами², съ открытыми жирными, вислыми грудями и животомъ³, одѣтаго у чреслъ въ лиственный

¹ См. картину, приложенную къ статьѣ А. И. Иванова.

² Это— типичная особенность китайскаго повѣствованія и изображенія людей, презрѣвшихъ наскучившій имъ міръ, святителей-подвижниковъ, даосскихъ чудотворцевъ и безумныхъ, святыхъ дѣвъ. Такъ, напримѣръ, одинъ чиновникъ, видя начинающійся распадъ единого государства, «распустивъ волосы (т. е. испортивъ свою приличную прическу), отрѣшился отъ міра» (延熹末。黨事將作。閔遂散髮絕世。) Поэтъ, «распустивъ волосы, уже не закалываетъ ихъ болѣе въ прическу и бродитъ съ даосской книгой въ рукахъ» (王維詩。散髮時未簪。道書行尚把。) Онъ «гло-таетъ зори (какъ высшій даосъ), лежа въ прежнемъ своемъ ущельѣ и, распустивъ волосы, отказывается отъ далекихъ блужданій» (李白詩。餐霞臥舊壑。散髮謝遠游。) Даосскій подвижникъ, «накинувъ шубу (не взирая на жару), распустилъ волосы—и легкокъ сталъ его шагъ, внѣ всякаго сравненія» (列仙傳黃阮丘讚。被裘散髮。輕步絕倫。) Другой даосъ приобрѣлъ способность, бродя босой и съ распущенными волосами, шагать по самымъ высокимъ скаламъ и пѣть, ударяя въ тактъ корнемъ вѣковой сосны по чудовищному, странной формы камню (孫太初入太白山。時有所得。赤脚散髮。走最高峰。持古松根。扣巨奇石以歌。) Дѣва съ распущенными волосами, одѣтая въ желтое платье и живущая въ пещерѣ, являлась иногда людямъ, чтобы выпить немного вина и съѣсть 1—2 гусиныхъ яйца. Люди звали ее «святою тетей» (有女子年二十許。散髮黃衣石室中。... 或出人間。時飲少酒。鶩卵一兩枚。人呼爲聖姑。) Наконецъ, сама Си ванъ му, волшебный мифъ о которой привлекаетъ къ себѣ воображеніе и ученныя фантазіи европейцевъ,— дочь Небеснаго Владыки, съ растрепанными волосами и «тигровымъ лицомъ» (!) (郭璞西王母讚。天帝之女。蓬髮虎顏。)

³ Тоже особенность изображенія нѣкоторыхъ даосскихъ безсмертныхъ, несомнѣнно заимствованная изъ буддѣйскаго искусства.

покрывъ¹ и босого². Онъ высоко вздымаетъ ногу, какъ бы для сильнаго и рѣзкаго движенія, и описываетъ вокругъ головы дугу, держа въ рукахъ шнуръ, на которомъ нацѣплены, одна за другой, мѣдныя деньги-чохи. За послѣднюю изъ этихъ денегъ, на концѣ шнура, держится, кусая ее, трехлапая жаба³. Такое изображеніе носить названіе-формулу: «Лю Хай (Хар) играетъ золотою жабой»⁴ (劉海戲金蟾). Всматриваясь въ безконечную разновидность этихъ изображеній Лю Хар'а, мы не можемъ не замѣтить, что онъ воплощаетъ собой то же жадное пожеланіе денежнаго обилія. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто шнура, которымъ, по смыслу стереотипной формулы

¹ Не есть ли эта рисуночная особенность — плодъ недоразумѣнія? Дѣло въ томъ, что «лиственный покрывъ» отличаетъ скорѣе отшельниковъ, подвергающихъ себя суровому, аскетическому образу жизни, нежели безсмертныхъ, съ ихъ плывущей по воздуху или порхающей поступью (仙步徐徐整羽衣... 夢一道士。羽衣翩躚), требующей не *лиственного* покрыва, а покрыва изъ *перьевъ*, сообщающаго летучесть. Впрочемъ, древность, одѣвавшаяся въ листву, — идеалъ всякихъ ученій и сектъ. Слѣдовательно, «возвратившіе себѣ первичность» даосскіе святители могутъ быть также изображены и въ лиственномъ покрывѣ.

² Также особенность презрѣвшихъ міръ отшельниковъ и, слѣдовательно, — въ дальнѣйшемъ развитіи, — святыхъ небожителей. — См. картины №№ 92, 361, 381 (рис. 9), 664—5, 691 (рис. 7), 1395 и др.

³ При свойственномъ китайскимъ народнымъ картинамъ разнообразіи, мы находимъ на нихъ цѣлый рядъ вариантовъ этой темы. Такъ, наприимѣръ, жаба можетъ помѣщаться у Лю Хар'а на шеѣ или въ рукѣ, или, наоборотъ, гдѣ-то въ пространствѣ, изъ котораго она налетаетъ на деньгу и хватаетъ ее (рис. 7). Онъ можетъ стоять на жабѣ или сидѣть на ней верхомъ (рис. 5); вмѣсто шнура — нести на плечахъ тяжелыя связки денегъ (рис. 10), и т. д. Этимъ разнообразіямъ изображеній нѣтъ конца, особенно при представленіи Лю Хар'а въ видѣ малютки, то съ пучками волосъ на пробитой головѣ (рис. 3), то съ обручемъ-пиономъ въ распущенныхъ волосахъ (по указанному уже для Хэ-Хэ типу; см. рис. 6), при чемъ «игра» заключается, наприимѣръ, въ томъ, что одинъ мальчикъ, дѣлая большіе шаги (т. е. подражая жесту Лю Хар'а), тянетъ къ себѣ, при помощи шнура съ деньгами, огромную жабу, на которой сидитъ другой мальчикъ (рис. 5); иногда же одинъ мальчикъ тянетъ жабу за третью лапу, а другой держитъ передъ ней шнуръ съ деньгами, и она усердно ихъ глотаетъ (см. рис. 6). Наконецъ, фантазія доходитъ до выуживанья жабы изъ воды на деньгу (карт. № 514), что уже совершенно разрушаетъ основное изображеніе. Представленіе Лю Хар'а въ видѣ малютки отразилось и въ колыбельной пѣснѣ (такъ называемыхъ «ребяческихъ рѣчахъ», сао хар йур):

Гуада, гуада бѣар	«Виситъ, виситъ косичка (?)...
сао Лиу Хар	Малютка Лю Харъ...
шеншаң чхуанцо лан бу шар.	На немъ надѣта рубашечка изъ синяго холста.
Шыи зюды? Неаң зюды...	Кто спитъ? Мама спила!» и т. д.

Не кроется ли въ этомъ звуковое сближеніе непонятнаго народу: х̄ар (море?) съ понятнымъ и нѣжнымъ хар'' (малютка)? Въ приводимой нѣсколько далѣе пѣснѣ слѣпца интересна попытка осознать это непонятное х̄ар черезъ «х̄аѣ ѱаѣды сан (рэр)», т. е. «заморскій небожитель».

⁴ Есть и варианты этой надписи-формулы, какъ наприимѣръ: «Золотая жаба. Лю Хай(р)» (金蟾劉海); «Лю Хай (р). Золотая деньга» (劉海金錢). Послѣдній вариантъ указываетъ на подробность изображенія, объясненіе котораго слѣдуетъ далѣе.

изображенія, онъ «играетъ», вращая его вокругъ себя, у него часто на плечахъ — тяжелыя связки мѣдныхъ монетъ, а иногда (очевидно, еще болѣе тяжелый) — тазъ съ «накопленными драгоценностями» (зүү бāо пхыр). Далѣе, волшебная жаба, изъ переднихъ лапъ которой вылетаютъ, обыкновенно, языки пламени¹, играетъ роль волшебной коробки одного Хэ, ибо изъ ея рта вылетаетъ въ дымкѣ дождь монетъ и драгоценностей и сыплется въ домъ счастливаго². Затѣмъ, на деньгѣ, которую жадно кусаетъ жаба, видимъ характерную надпись: «Ежемѣсячно богатѣть!» (月月發財). Въ этой своей специальности духа, сыплющаго въ домъ непомѣрныя богатства, Лю Харъ изображается охотнѣе всего на календарныхъ листкахъ³, на картинахъ, наклеиваемыхъ въ Новый Годъ на обѣ половинки дверей, гдѣ онъ, очевидно, играетъ роль «дверного духа»⁴ (мын шэн), но, главнымъ образомъ, въ свитѣ главнаго духа богатства, Цай Шэн'я, гдѣ онъ: то «играетъ» на крышѣ ладьи, въ которой Цай Шэнъ плыветъ къ дому счастливаго,—то шалить, высунувъ голову изъ огромной деньги въ кучѣ золота и драгоценностей,—то «играетъ» на громадныхъ слиткахъ золота, влекомыхъ на телѣгѣ въ домъ покупателя картины (рис. 9),—то является вмѣстѣ съ Цай Шэн'емъ на землѣ (рис. 10), или же въ тучахъ (рис. 11), иногда верхомъ на «драконѣ изъ монетъ», и своею жабой сыплетъ дождь денегъ въ корзины, стоящія на дворѣ облагодѣтельствованнаго,—то, наконецъ, принимаетъ участіе въ «боѣ драгоценностей», т. е. въ соревнованіи всѣхъ Цай Шэн'ей и

¹ Напр., на картинахъ №№ 552 и 691 (рис. 7).

² Напр., на картинахъ №№ 467 (рис. 11), 1395, 1402 и др.

³ Рис. 4. На такихъ листкахъ, помимо указанія года, на который они предназначены, и распределенія въ немъ мѣсяцевъ, чиселъ, сезоновъ, праздниковъ и т. д., имѣются еще надписи, опредѣляющія специальную особенность картины, какъ напримѣръ: «Календарный листъ, китайско-английскій (!), и съ Лю Хар'омъ» (華英劉海月份牌), или «Календарный листъ на первый годъ правленія Сюань-Тунъ (1909), съ изображеніемъ драконовой (въ видѣ дракона) ладьи (въ которой плыветъ Цай Шэнъ и съ нимъ Лю Харъ)». По бокамъ располагаются привѣтственные благожеланія, въ родѣ слѣдующихъ: «(Да будутъ)

Времена мирныя (хэ), поколѣнія процвѣтающія,
Люди долголѣтныя, годы урожайныя!, или:
«Четыре времени года ровно-покойныя,
Сотни дѣлъ — какъ пожелаете!
Толпы безсмертныхъ (да) возвѣстятъ (Вамъ) долголѣтность,
Милліоны счастливаго (да) придутъ (Вамъ) представиться!»

(時和世泰。人壽年豐。…… 四季平安。百事如意。
羣仙祝壽。萬福來朝。)

⁴ Въ этихъ антитетическихъ изображеніяхъ Лю Харъ представленъ самостоятельно, со всѣми своими атрибутами «играющаго». Иногда же онъ входитъ въ сочетанія съ другими «богами дверей».

ихъ свиты, въ конкуренціи ихъ другъ другу по щедрости даяній¹. Почти всегда на этихъ сложныхъ картинахъ Лю Харъ изображается вмѣстѣ съ

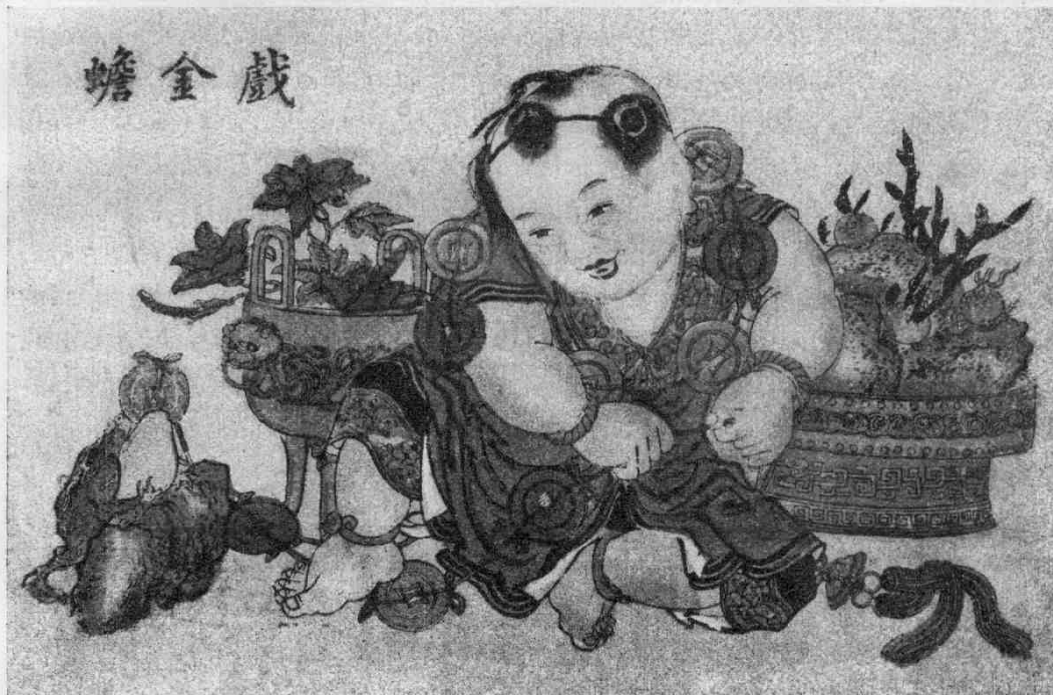

Рис. 3.

двойниками Хэ-Хэ², при чемъ, благодаря, вѣроятно, своей специальности, даже смѣшивается съ ними, то становясь однимъ изъ нихъ³, то удваиваясь и

¹ См., напр., №№ 381 (рис. 9), 575, 1053, 1384, 1394 (рис. 11), 1395. Картина «сраженія драгоцѣнностей» носить, обыкновенно, названіе: 文武財神銀錢鬪勝 (рис. 11).

² Наиболее чистый типъ этого соединенія виденъ на календарномъ листкѣ, упомянутомъ выше (рис. 4). Лю Харъ и два Хэ-Хэ, совершенно одинаковые и по лицу, и по причeskѣ; и по одѣянію, держатъ каждый свои нормальные атрибуты, съ тѣми лишь небольшими уклоненіями, что жаба плыветъ къ деньгѣ по пространству, а изъ коробки одного Хэ вылетаютъ въ дымкѣ двѣ летучихъ мыши (ребусть: *fy* — счастье). Какъ малютки, эти трое изображаются также совершенно одинаково, даже съ одинаковой причeskой (рис. 5) и одинаковыми украшеніями въ волосахъ. Однако, третій мальчикъ въ этой группѣ можетъ быть и безъ атрибутовъ, но съ характернымъ для Лю Хар'а танцевальнымъ жестомъ (рис. 5). Мальчикоу, играющимъ въ Лю Хар'а и Хэ-Хэ, можетъ быть на картинѣ и четверо, и пятеро, при чемъ, въ первомъ случаѣ, группа можетъ распадаться на двѣ пары: одна, напримеръ (№ 94), несетъ «тазъ съ драгоцѣнностями», а другая, внизу — съ атрибутами Лю Хар'а и Хэ: жабой и коробкой; или же представляетъ собой четырехъ лицъ съ разными атрибутами, напримеръ (рис. 7): Лю Харъ со своими вещами, метельникъ (для денежныхъ кучъ), Хэ съ обоими атрибутами (коробка въ дымкѣ изъ лотоса) и танцующій («играющій») мимъ — безъ атрибутовъ. Надо еще отмѣтить, что среди амулетовъ (собственно — благожелательныхъ медалей) встрѣчаются такіе, на одной сторонѣ которыхъ изображенъ Лю Харъ съ жабой и шнуромъ съ деньгами, а на другой — надпись: «Сомасія — Эдиссія, чего угодно» (和合如意), т. е. основная формула двойниковъ Хэ-Хэ.

³ Напр., на картинахъ №№ 92, 338, 361, 385 (рис. 10), 1087, 1384. Одинъ Хэ, въ такомъ случаѣ, изображенъ со своимъ специальнымъ атрибутомъ (коробкой). Иногда же про-

превращая Хэ-Хэ въ пару Лю Хар'овъ¹. Изображенный безсмертнымъ волшебникомъ, онъ и двойникамъ сообщаетъ характеръ безсмертныхъ небожителей (仙 сян'ей), и вотъ, мы видимъ, что силою его вліянія они одѣты въ лиственный (перяной) покровъ, обнажили свои отвислыя груди и чрева, стали босыми², — однимъ словомъ, превратились въ пару безсмертныхъ (эр сянъ 二 仙), такъ что отнынѣ этимъ живымъ ребусамъ дано мѣсто въ народно-даосскомъ пантеонѣ подъ титуломъ «Два безсмертныхъ: Единеніе-Согласіе» (Хэ-Хэ эр сянъ). Подъ этимъ именно титуломъ они входятъ, вмѣстѣ съ Лю Хар'омъ, въ сложныя картины, изображающія явленіе Цай Шэн'я — въ видѣ «живого» (рис. 10) или же духа (рис. 11) — дому счастливаго обладателя завидной доли, богатея. Вотъ, нѣкоторыя надписи на этихъ картинахъ (грубые стихи въ 7 словъ), суммирующія благожеланіе и его феерическое, снящееся грубой и жадной фантазіи, выполненіе³:

«Въ Новый Годъ, второго числа чтимъ Духа Богатствъ;
 Вся семья — пять поколѣній — наряжаются, одѣваются, украшаются.
 Беремъ благовонія⁴, высоко вздымаемъ, къ небу обращая мольбу.
 Вѣщія тучи отовсюду облегли, счастливыя звѣзды близки.
 Привлекающій богатства молодой отрокъ⁵ приходитъ, подноситъ
 драгоценности,
 Обогащающій торговлю безсмертный начальникъ⁵ нисходитъ у
 добродѣтельныхъ⁶ воротъ.

нисходитъ перекрещиванье атрибутовъ, т. е. жаба можетъ очутиться въ коробкѣ (карт. №№ 769, 799, 1301) или держать во рту деньгу съ надписью: «Духъ единенія (согласія) рождаетъ богатства» (合(和)氣生財) (№ 1087). Наконецъ, на одной и той же картинѣ, и жаба и коробка смылютъ деньгами въ грѣшный міръ, при чемъ обѣ тучи денегъ и прочаго свиваются въ одинъ сплошной и слитный ураганъ (№№ 94, 595). Атрибуты Хэ могутъ у него и отсутствовать, что, какъ и прежде, нисколько не мѣшаетъ ясно видѣть смыслъ изображенія (№ 338). Иногда Лю Харъ и Хэ — одно лицо и одна прическа (рис. 10), иногда же они разнятся.

¹ Въ такомъ случаѣ, одинъ, напримѣръ, стоитъ на коробкѣ (хэ), имѣя жабу на плечахъ, другой же стоитъ на жабѣ (карт. № 1087). На карт. № 514 изображены двое малютокъ, совершенныхъ двойниковъ, которые наклонились надъ водой и удятъ жабу на деньгу. Надпись очень характерна: «Пара Лю Хар'овъ играютъ золотою жабой» (雙劉海戲金蟾). На рис. 6 изображены двойники = Лю Хар'ы, подѣлившіе между собой атрибуты такъ: одинъ держитъ жабу, а другой «играетъ» шнуромъ съ монетами.

² Кромѣ того, имъ сообщался также и танцовальный Лю Хар'овъ жестъ (рис. 5), такъ что часто видимъ ихъ (напр., на карт. № 1398) танцующими вокругъ «таза съ кучей драгоценностей».

³ Напримѣръ, на рис. 11, изображающемъ богато одѣтаго хозяина дома, который во главѣ семьи приноситъ жертву Цай-Шэн'ю и, по своей молитвѣ, зрѣтъ сошествіе приглашаемаго духа со всею свитой; или на картинѣ № 1388, гдѣ Цай-Шэнь, со свитой, идетъ съ неба въ домъ, вмѣстѣ съ возвратившимся, разбогатѣвшимъ хозяиномъ.

⁴ т. е. курительныя палочки.

⁵ Спутники Цай-Шэн'я, также рисуемые двойниками, но здѣсь уже — какъ слуги незримаго чиновника и для искони присущей китайскому вкусу симметріи.

⁶ т. е. Вашихъ, — тѣхъ, гдѣ «накопленное доброе (правственное) начало непремѣнно вызоветъ неизбывное благоденствіе» (積善之家。必有餘慶。)

На первомъ мѣстѣ Лю Хай золотыми деньгами сыплеть ...

Умиленному сердцу должна открыться весна на миллионы лѣтъ».

新正二日敬財神。一家五代頂榮身。拈香高
舉朝天祝。祥雲四布吉星臨。招財童子來獻寶。
利市仙官降德門。上方劉海金錢洒。虔心應發
萬年春。— Еще:

«Широко открывъ источникъ денегъ¹, взялъ, да вернулся домой.

Домашніе всѣ — старъ и младъ — сильно радуются, ликуютъ.

Домашняя прислуга, дворовые работники берутъ телѣгу и распрягаютъ;

Золото, серебро, богатства, драгоценности переносятъ теперь въ домъ.

Счастливый человѣкъ, естественно, имѣетъ небесныя знаменія сіяющія:

Хэ-Хэ и Лю Хай сыплютъ золотомъ и деньгами,

Привлекающій богатства молодой отрокъ беретъ драгоценности, подноситъ,

Обогащающій торговца безсмертный мужъ стоитъ на краю тучъ.

Отъ сего дня и впредь многому быть счастьемъ, благополучіемъ,

Пышному блеску, богатству, знатности на миллионы, миллионы лѣтъ!»

大發財源擺 (!) 家還。居家老幼多喜歡。家奴
院工擺車卸。金銀財寶往家搬。吉人自有天相
照。哈哈 (!) 劉海洒金錢。招財童子擺寶進。利市仙
子在雲端。從今以后多吉慶。榮華富貴萬萬年。

Еще подробнѣе говорятъ о явленіи Лю Хар'а и Хэ-Хэ пѣсни слѣпцовъ, увѣряющихъ, что они ихъ «видятъ» надъ домомъ благодѣтеля, слушающаго ихъ. Вотъ, наиболѣе краткая изъ такихъ пѣсенъ, записанная въ Пекинѣ въ 1908 году отъ слѣпца, пѣвшаго зимой у моихъ воротъ:

сін нѣаен сін үе гүо сін чхун,

хүа хуң léу lүү тхѣ ман мын.

зүо бѣар тхѣды шы жао цхъаен шу,

jo бѣар тхѣды шы зүү бāо пхын.

зүү бāо пхын,

цхi зін хүа,

фу гої руң хүа тхоў ji за.

цең нѣаен сi,

тхай тхоў гуан,

кхуң цуң лаї leао фу лу шоў сан сәен.

зең фу сәен,

зең шоў сәен,

¹ т. е. разбогатѣвъ.

Ліу Хār бēн шы хāѣ ўаѣды с̄ан:
шбу чхы з̄ін с̄ан са з̄ін ц̄х̄ан —
з̄ін ц̄х̄ан сада б̄ао цаї неѣ:
фу гої руң х̄уа ўан ўан неан¹.

Переводъ:

«Новый Годъ, новая луна, проводимъ новую веену:
Цвѣты краснѣють, ява зеленѣетъ... Приставшаго полны (Ваши) ворота.
Съ лѣвой стороны приставшее—это дерево, отряхающее деньги,
Съ правой стороны приставшее—это тазъ съ кучей драгоценностей.

Въ тазу съ кучей драгоценностей
Вздымаются золотые цвѣты...

Богатствомъ, знатностью, пышностью, блескомъ — самый первый
(Вашъ) домъ.

Только-что пою о счастливомъ,
Вздымаю голову, гляжу:

Въ воздухѣ прибыли трое бессмертныхъ: Счастье-Чинъ-Долговѣчность.

Умножающій счастье бессмертный,
Умножающій лѣта бессмертный...

Лю Хар — онъ, собственно, заморскій² бессмертный...

Въ руки онъ держитъ золотую нить и сыплетъ золотыя деньги,
А золотыя деньги сыплетъ въ дорогой (Вашъ) домъ³.

¹ Запись, конечно, лишь приблизительная, безъ оттѣнковъ тональныхъ гласныхъ.

² Любопытная народная этимологія, старающаяся осмыслить непонятное слово Хай.

³ Вариантъ изъ репертуара болѣе искусныхъ слѣпыхъ пѣвцовъ:

хуї тхоў гуан,
Ліу Хār кхаңцо жігэ да з̄ін цаң,
шбу неѣ хуң руң тх̄уан-тх̄уан ц̄уан.
суї-суї бу-бу са з̄ін ц̄х̄ан.
з̄ін ц̄х̄ан сада б̄ао цаї неѣ...

«... Затѣмъ, смотрю:

Лю Хай несетъ большую золотую жабу,

Въ рукахъ держа красную тесьму, крутомъ, крутомъ вращаетъ.

Что ни шагъ, что ни шагъ — бросаетъ золотыя деньги,

Золотыя деньги бросаетъ въ (Вашъ) дорогой домъ» и т. д.

回頭觀。劉海扛着一個大金蟾。手捻紅絨團
團轉。隨隨步步撒金錢。金錢撒在寶宅內...

Еще вариантъ, съ упоминаніемъ о двойникахъ:

фу лу шоў лѣ лѣаң пхаң,
шоў јен пхаї кхаї хуа тхаң шаң.

Рис. 4.

Богатства, знатности, пышности, блеска (Вамъ) на милліоны, милліоны годовъ!

過綠兒樹。是盆。榮念中三壽海金錢富年。
月柳邊鏡的寶貴正空壽增是持金內。萬
新紅左搖貼聚富家。觀。祿仙。本手錢。宅萬
年花門。是兒盆。花。一頭福福海仙。金寶華
新春。滿的邊寶金頭抬了增劉的撒在榮
新貼貼右聚起華喜。來仙。仙。外線撒貴

Кто же этотъ веселый юноша Лю Харъ по своему происхожденію? При чемъ здѣсь шнуръ съ деньгами и алчная «золотая», трехлапая, пламенная жаба?

Хэ-Хэ эр шең ба зін цхән са:

тхен сї тхен гої заң са фаң.

Ліу Хар сї цан заї цхән тхиң шаң...

«... Счастье-Чиновность-Долголетіе расположились съ обѣихъ сторонъ.

Праздничный пиръ начинается въ роскошныхъ (Вашихъ) хоромахъ.

Хэ и Хэ, два свѣтыхъ, берутъ золотыя деньги и сыплютъ...

Небесная радость, небесная знатность спускаются внизъ, сюда.

Лю Харъ играетъ жабой на первомъ дворѣ...».

福祿壽列兩旁。壽筵排開華堂上。和合二聖
把金錢撒。天喜天貴降下方。劉海戲蟾在前廳上。...

Какъ видно изъ этихъ пѣсень, явленіе Лю Хар'а и Хэ-Хэ сопровождается явленіемъ трехъ звѣздныхъ боговъ: Счастья, Чина, Долговѣчности (福祿壽三星). На народныхъ картинахъ также встрѣчается изображеніе Хэ-Хэ въ свитѣ этихъ «Трехъ».

VI.

Лю Харъ—Лю Хайчжанъ. Основное повѣствованіе и легенды.

Въ официальныхъ историческихъ компендіумахъ, тексту которыхъ можно, въ общемъ, скорѣе довѣрять, нежели какому-либо другому, о Лю Хайчжан'ѣ свѣдѣній, повидимому, не имѣется¹. Всѣ данныя объ этомъ лицѣ сосредоточены въ сказаніяхъ, которыя отмѣчаются попутно въ географическихъ описаніяхъ², въ собраніяхъ полиграфовъ³, или же въ жизнеописаніяхъ даосскихъ святителей⁴. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою, въ лучшемъ случаѣ, правдоподобное повѣствованіе о существовавшемъ лицѣ, да и то—только до того момента, когда, въ видѣ блистательнаго результата жизненной дѣятельности, торжествуетъ легенда. Не слѣдуетъ, поэтому, удивляться путаницѣ, царящей въ сообщеніяхъ объ имени Лю, о времени его жизни и о подробностяхъ, выдвинувшихъ его въ патриархи даосскаго ученія⁵. Желая представить въ настоящей статьѣ болѣе полную и отчетливую картину жизни и дѣятельности Лю Хайчжан'я, нежели тотъ переводъ статьи Хуанъ Болу⁶, который далъ (I. с.) П. С. Поповъ⁷, я

¹ Ихъ, во-первыхъ, нѣтъ въ извѣстномъ указателѣ къ біографіямъ официальныхъ исторій Ши синъ юнь бянь **史姓韻編**; во-вторыхъ, энциклопедія Ту шу цзи чэнъ помѣщаетъ ихъ въ особомъ отдѣлѣ (IV, 18, 252, 29, 10 recto) «Духовъ и безсмертныхъ» (**神仙部**), и при томъ не исторической части, а той части, которая говоритъ «о духахъ и странныхъ явленіяхъ» (**神異典**); въ-третьихъ, приводя свѣдѣнія о Лю Хайчжан'ѣ изъ шести разныхъ источниковъ (къ четыремъ источникамъ, непосредственно вошедшимъ подъ общій заголовокъ: Лю Хайчжанъ, надо прибавить еще два, а именно: свѣдѣнія предыдущей статьи о Чжанъ Мынцян'ѣ **張夢乾** и статьи о Лю Хай'ѣ **劉海**, помѣщенной нѣсколько ранѣе въ гл. 251, 28, 3 verso), Ту шу цзи чэнъ не приводитъ никакихъ статей изъ біографій официальныхъ исторій. Я полагаю, что всего этого достаточно для констатирования отсутствія историческаго текста, ибо не можетъ быть, чтобы и китайскіе авторы и я проглядѣли специально интересующую обѣ стороны статью.

² Таковы, напримѣръ, описанія губерній Шэ(э)вэйси и Чжили, приводимыя въ Ту шу цзи чэн'ѣ, и, главнымъ образомъ, описаніе пекинскаго *фу* (департамента) Шунь тянь фу, свѣдѣній изъ котораго въ этой энциклопедіи не приводится.

³ Таковы, напримѣръ, Чунь чжу цзи вэнъ и Дунъ сюань би лу, цитуемыя Ту шу цзи чэн'омъ.

⁴ Дао цзанъ цзи яо (Люй ди шэнъ цзи цзи яо, Цзинь лянъ чжэнъ цзунъ цзи), Ли дай сянь ши, Шэнъ сянь тунъ цзянь, Цзи ши тунъ цзянь, Цзи шо цюань чжэнъ I. с.

⁵ Есть даже и тутъ разногласіе, а именно: по однимъ онъ—патріархъ Сѣверной Секты (Ли дай сянь ши, I. с.), по другимъ (по неизвѣстному источнику свѣдѣній словаря Цы юань, I, цзы, 338, 2)—южной.

⁶ Въ этой статьѣ не использованы: Шунь тянь фу чжи, Цзи фу тунъ чжи, Шэнъ си тунъ чжи, Ли дай сянь ши, Цзинь лянъ чжэнъ цзунъ цзи, Люй ди шэнъ цзи цзи яо, Чунь чжу цзи вэнъ, Дунъ сюань би лу и др.

⁷ О переводѣ Haglez я говорить не буду, всецѣло присоединяясь къ замѣчаніямъ П. С. Попова (въ его предисловіи къ «Китайскому Пантеону»), занимающимъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много мѣста для укора по адресу сплошной безграмотности, которой мѣсто не въ ученомъ журналѣ Бельгійской Академіи, а въ черновыхъ тетрадяхъ слушателя перваго курса. П. С. Поповъ поступилъ совершенно правильно, не считаясь въ дальнѣйшемъ съ «переводами» Haglez. Той же тактики буду придерживаться и я.

предпринимаю здѣсь, въ сводномъ видѣ, переводъ отчасти уже затронутыхъ матеріаловъ, причемъ сначала изложу все, что извѣстно о земной жизни святителя, а затѣмъ — о его чудесныхъ явленіяхъ міру. Въ основу я положу чрезвычайно подробную и снабженную библиографическими указаніями статью Шунь тянь фу чжи, которая, какъ мнѣ кажется, извлекаетъ свѣдѣнія болѣе аккуратно, нежели всѣ другія. Кромѣ того, она, несомнѣнно, объективнѣе, чѣмъ статьи Шэнь сянь тунъ цзянь, Ли дай сянь ши и имъ подобныхъ жизнеописаній даосскихъ и буддійскихъ святителей, въ которыхъ Лю называется, напримѣръ, «учителемъ», «Истиннымъ Владыкою» (師。先生。眞君。) и, вообще, является предметомъ

Рис. 5.

поклоненія, что не подобаетъ тону исторической біографіи и, дѣйствительно, не принято въ вышеуказанныхъ статьяхъ географическихъ описаній.

Жизнеописаніе. Лю Сюаньинь¹, по прозванію Цзунчэнь² и [даосскому]

¹ Ци фу тунъ чжи, въ отличіе отъ прочихъ, считаетъ это даосское имя, заключающее въ себѣ эпитетъ Дао и могущее быть переведеннымъ черезъ «Извѣчнымъ (Дао) Цвѣтушій», не измѣненнымъ, но основнымъ, и, при этомъ, такъ же оригинально пишетъ знакъ Сюань съ детерминативомъ «металла», что лишаетъ данное имя даосскаго смысла, а это врядъ ли правильно. Само собою разумѣется, что въ изданіяхъ, имѣющихся у насъ подъ рукою и не восходящихъ къ эпохѣ ранѣе XVIII столѣтія, знакъ Сюань, составлявшій, какъ извѣстно, часть имени (Сюань Ё) императора Канси и этимъ самымъ изгнанный изъ употребленія, всездѣ замѣненъ знакомъ Юань, такъ что имя читается Юаньинь.

² Люй ди шэнь цзи цзи яо (I. c.) даетъ вариантъ Цзунчэнь (чэнь — чиновникъ, подданный), лишающій это прозваніе даосскаго смысла, что мнѣ, попрежнему, представляется неправильнымъ. Я перевелъ бы несомнѣнно даосское Цзунчэнь черезъ «Цѣль (моя) — Завершеніе (алхимическаго достиженія, въ видѣ пилюли безсмертія, какъ то видно будетъ изъ дальнѣйшаго повѣствованія)».

титолованію Хайчжань-цзы¹ («Морская Жаба»), первоначально именовался

¹ Цзинь лян чжэн цзун цзи даетъ единственный вариантъ: Хайчжань-гунъ, възванный, вѣроятно, чрезмѣрною почительностью даосскаго автора къ имени патріарха. Никакихъ текстовъ и никакихъ объясненій, касающихся принятія этого страннаго, но крайне важнаго для насъ титула, не встрѣчается. Попытаемся, на основаніи текстовъ, говорящихъ о жабѣ-чжань, возсоздать этотъ образъ, въ его данномъ примѣненіи. *Чжань* (а не *чань*, какъ читаютъ нѣкоторые словари, ибо фонетическое тожество устанавливается у Канси исключительно въ видѣ *чжэ* (и *ли*) *ань*, а въ толкованіи къ Эр Я прямо указано, что омофономъ этому слову является общеизвѣстное *чжань* 占) — отдѣльно, и въ сложении съ *чжу*, — пишется весьма различно (詹諸。蟾諸。蟾蜍。蟾蛄。) и объясняется (въ древнемъ словарѣ Шовэнь), какъ названіе земноводнаго, звуковымъ переложениемъ его крика, при чемъ въ одномъ сочиненіи встрѣчаемъ даже вариантъ *танчжу*, фонетически, конечно, сосѣдній съ *чжаньчжу*. Ближайшимъ соответствіемъ этому рѣдкому слову является болѣе современное *хамо*, или, въ Пекинѣ, *хѣма* — лягушка (пишется также различно: 蝦蟆。蝦蟇。蛤蟆。) Однако, соответствіе это оспаривается, и большинство писателей, начиная съ комментатора на древній словарь Эр Я, утверждаютъ, что это не лягушка, а лишь нѣчто, на нее похожее. Изъ ея описанія, на примѣръ, въ извѣстной *Materia medica* (Бэнь цао ганъ му, I. с.), видно, что рѣчь идетъ о прыщавой жабѣ, исключительно земноводномъ животномъ, отличающемся большими размѣрами, бородавками-буграми на спинѣ, крайней медлительностью движеній, неспособностью къ прыжкамъ и къ издаванію звука, — полная противоположность лягушкѣ-хѣма. Однако, вопросъ этимъ яснымъ описаніемъ не исчерпывается. Лѣкарственное употребленіе жабы ищетъ признаковъ «истинной» чжаньчжу и находитъ ихъ въ томъ, что у нея подъ шейю есть «восемь начертаній (іероглифовъ)» и что она «рисуетъ лапой землю»; препарированная соответственнымъ образомъ, она исцѣляетъ отъ множества болѣзней. Этимъ именно предметомъ занята вся 42-ая глава вышеупомянутой *Materia medica*. Лѣкарственное назначеніе жабы, естественно, связано съ талисманнымъ, которое заключается въ ея волшебныхъ свойствахъ «отклонять оружіе» врага такъ, что оно обращается на него же, — разрѣзать, разрывать пути и оковы и, наоборотъ, охранять запертый входъ своимъ «сумѣнемъ запереть дыханье», — сообщать даръ хожденія по водамъ, а, главное, своею долговѣчностью вліять на жизнь обладателя въ этомъ же смыслѣ. Это основное народное повѣрье поддержано алхимическимъ искателемъ безсмертной пилюли, знаменитымъ Гэ Хун'омъ (по прозванію «Объявшившій Основное», Баопу-цзы, IV в. по Р. Хр.), который даетъ ей особое имя «мыса-чжи», т. е. воплощенной чжи (чжи — трава, имѣющая постоянное свойство сообщать долговѣчность), и увѣряетъ, что ея многовѣковая жизнь (1000, 3000 и даже 10000 лѣтъ) вселяется въ человека, водворяя его въ безсмертіе; надо лишь сварить ее, или же выпить кровь ея бугровъ, похожихъ на письменные знаки-іероглифы. Можно найти даже повѣствованія, снабженные датой и собственными именами людей и мѣсть, говорища о волшебномъ дѣйствіи съѣденной жабы-чжаньчжу на организмъ человека, мгновенно потерявшаго земныя свойства и улетѣвшаго въ небо среди бѣла дня. На спинѣ у такой жабы можетъ вырасти та самая трава чжи, воплощеніемъ которой она является, и процвѣтаетъ круглый годъ. Особенно чудотворною эта жаба становится въ пятый день пятой луны (начало сильныхъ жаровъ), и на амулетахъ мы всюду видимъ ея изображеніе (въ числѣ «пяти ядоносовъ»), какъ символа боязни и исцѣленія. О ея чудесахъ, и до ея съѣденія будущимъ безсмертнымъ, рассказывается, вообще, много. Такъ, на примѣръ, находимъ сказаніе о томъ, какъ она своимъ дыханьемъ питала брошеннаго родителями ребенка, лишивъ его необходимости ѣсть и пить. Къ восьми годамъ кожа мальчика стала «словно яшма», и ему, конечно, было сейчасъ же предсказано даосское безсмертіе. Другое сказаніе, наоборотъ, представляетъ жабу-чжаньчжу крайне вреднымъ животнымъ, вселившимся въ дѣвушку, которая называла его «мужемъ», и истязавшимъ бѣдную истеріей и эпилепсіей. Передъ смертью она превращается... въ перепела; и т. д.

Одинъ особый признакъ жабы-чжаньчжу вводитъ въ недоумѣніе многочисленныхъ китайскихъ писателей о ней, а именно: начиная съ классическаго словаря Эр Я, она пред-

Цао¹, по прозванію Чжаода². Впослѣдствіи, достигши Дао, онъ эти имена измѣнилъ (на предыдущія). Онъ происходилъ изъ мѣстности Гуанъ янь³, что въ (древней) Янь'ской землѣ. Выдержавъ [въ шестнадцать лѣтъ⁴] экза-

ставлена въ видѣ *трехлапой* (см. ея изображеніе въ иллюстр. изд. Эр Я и въ Ту шу цзи чэн'ѣ) хотя многими эта ея особенность *настойчиво* отрицается, и въ лѣкарственныхъ рецептахъ Бэнь цао гашъ му (I. с.) она представлена (рисункомъ и текстомъ) съ нормальнымъ количествомъ лапъ. Все дѣло, конечно, исключительно въ точкѣ зрѣнія, разной у естествоиспытателя и мистика. Для послѣдняго земныя чудеса жабы-чжаньчжу не оканчиваются ея съѣденіемъ и физическимъ претвореніемъ въ возносящагося безсмертнаго. Она становится «золотою», «эссенціей золота», «изрыгающей свѣтъ», «точкою ложа Истиннаго Ян'а (свѣта)», «эссенціей луны», луной, феей луны Чанъ Нгэ и, наконецъ, Ян'омъ (самцомъ) луны, ею управляющимъ и ее пожирающимъ во время затменія (金精... 金蟆吐耀... 金蟆喻一點真陽之竅也。月精也... 蟾光。月彩也... 三足老蟆太陰精... 月照天下而蝕於蟾蜍... 日有食之者。若有物食之者而不知其名耳... 嫦娥托身於月。是爲蟾蜍... 月中有兔與蜍蟾。兔。月陰也。蟾蜍。陽也。而與兔並明。陰係於陽也。) Жаба становится синонимомъ луны и, въ этомъ своемъ значеніи, встрѣчается въ поэзіи на каждомъ шагу, превращая «жабий дворецъ», «жабий свѣтъ» и т. д. въ «лунный дворецъ», свѣтъ и т. д. Въ этомъ же своемъ астральномъ величій она входитъ въ титулованія даосскихъ подвижниковъ, въ томъ числѣ, вѣроятнѣе всего, и въ титулъ Лю Хайчжан'я, который, вмѣстѣ со своимъ другомъ «Божественнымъ Свѣтомъ», имѣлъ въ виду назвать себя «Свѣтомъ (жабы-луны) изъ (волнъ) Моря». Въ даосскомъ канонѣ (I. с.) мы встрѣчаемъ, дѣйствительно, изображеніе трехлапой жабы чжань, плывущей въ волнахъ моря и излучающей, въ видѣ эманации, луну.

Такимъ образомъ, титулъ Хайчжань «Жаба изъ моря», есть, вѣроятнѣе всего, символъ паюса, трансъ подвижника-алхимика, его перерожденіе въ астральную эманацию, исходящую изъ долговѣчнаго земноводнаго, мудростью Гэ Хун'а отвлеченнаго отъ мерзкаго облика и водвореннаго въ символъ безконечной жизни.

¹ Единственный вариантъ Чжэ 哲 встрѣчаемъ въ Шань си тунъ чжи (I. с.).

² Хуанъ Болу, приводя въ примѣчаніяхъ это прозваніе, дѣлаетъ ссылку на Гуанъ юй цзи, въ которомъ, однако, я не могъ найти жизнеописанія Лю Цао. Кромѣ того, Хуанъ комбинируетъ имя Цао (до даосскаго обращенія) съ прозваніемъ Цзунчэнъ (послѣ обращенія), что врядъ ли правильно.

Шунъ тянь фу чжи приводитъ свидѣтельство неизвѣстнаго миѣ сочиненія «О завершившихъ свою истинность полностью» 全真傳, устанавливающего (неизвѣстно, на какомъ основаніи) число и мѣсяць (24-ое число 12-ой луны) рожденія Лю Цао. Годъ ... забыть.

³ Ту шу цзи чэнъ (I. с.), цитую Цзифу тунъ чжи (I. с.), измѣняетъ Гуанъянь на Гуанлинъ, что не соответствуетъ изданію оригинала, которымъ я пользуюсь, и врядъ ли правильно. Шунътянь фу чжи, исправляя это «оригинальное чтеніе», которому оно удивляется, какъ ошибочному, оставило, однако, безъ примѣчаній то мѣсто на слѣдующемъ листѣ, гдѣ «Лю (имя рекъ) изъ Гуанлин'а» расписывается на картинѣ. Темнота вопроса умышленно сохранена. Гуанъянь, какъ это часто случается въ китайской географіи, — старое названіе двухъ совершенно различныхъ мѣстностей, а именно: нынѣшняго Пекина (Шунъ тянь фу) и Пиндинъ-чжоу 平定州 въ нын. губерніи Шаньси. Отсюда понятно, почему біографія Лю Цао дана въ географическихъ описаніяхъ Пекина (Шунътянь фу чжи, Цзифу тунъ чжи), но необъяснимо, почему она дана въ описаніи Шаньси (= Шэньси), а не Шань'си.

⁴ Свѣдѣніе даосскаго источника Цзинъ янь чжэнъ цзунъ цзи (I. с.).

мень на ученую степень «появившаго классическій канон»¹, онъ сталъ служить Янь'скому князю Лю Шоугуан'у² [сначала въ должности Лулун'скаго правителя³, а потомъ] въ должности [перваго⁴] министра. Онъ имѣлъ постоянную склонность къ (отвлеченнымъ) разсужденіямъ⁵ объ (основной человѣческой) природѣ и о велѣніи (неба человѣку быть въ жизни тѣмъ или инымъ⁶). [Однако, ему никакъ не удавалось постичь весь тайный смыслъ

¹ Новый словарь Цы Юань (I, цзы, 338, 2), не указывая источниковъ, называетъ его цзинь-ши («вступившимъ на службу») при династїи Ляо. Этотъ неважный вариантъ является единственнымъ.

² Объ этомъ эфемерномъ (911—912 г.) основателѣ династїи см. биографическій словарь Джайлса, № 1352, а подробности—въ «Исторїи Пяти Династїй» (въ старой редакціи—гл. 135, въ новой—гл. 39). Однако, есть мнѣніе, и не одно, приписывающее Лю Цао къ династїи Ляо, начавшейся, какъ мы знаемъ, официально съ 917 г. По Люй ди шэнь цзи цзи яо (I. с.), онъ служилъ именно династїи Ляо, а не другой. Его біографія въ Шувьтянь фу чжи (I. с.) значится въ статьѣ объ эпохѣ Ляо, хотя—по странному противорѣчію—въ первой же строкѣ примѣчаніе говоритъ: «Некоторые (!) говорятъ, что онъ жилъ при Ляо («Ляо'скій человѣкъ»)). Хуанъ Болу также ограничивается этимъ противорѣчивымъ примѣчаніемъ, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ.—Одно изъ двухъ: или Лю Цао служилъ Кидан'ямъ до принятїя ими династїйнаго титула Ляо, т. е. до 917 г., или дата его жизни неустойчива.—Особнякомъ стоятъ: сочиненіе Ли дай сянь ши (I. с.), помѣщающее біографію Лю Цао въ отдѣлѣ династїи Сунь, и описаніе Шаньси, помѣщающее ее въ отдѣлѣ Пяти Династїй, предшествовавшихъ Сунь. Однако, при неустойчивости датъ его жизни, эта послѣдняя версія можетъ легко быть согласована съ версіей о его службѣ Ляо, ибо, какъ извѣстно, съ 960 г. объ династїи сосуществовали. Необъяснимо лишь то, почему въ Цзи фу тунъ чжи (I. с.) его біографія поставлена подъ эпохой Юань.

³ По Люй ди шэнь цзи цзи яо (I. с.), въ этомъ именно званїи онъ служилъ династїи Ляо. Шэнь сянь тунъ цзянь (I. с.), свѣдѣнія котораго попали въ словарь Цы Юань, даетъ принятую здѣсь версію.

⁴ «Высшаго»; свѣдѣніе Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи (I. с.).

⁵ Варианты: къ разговорамъ, толкованіямъ, ученію (談。說。學。).

⁶ Подобно словамъ: дао, дэ, шэнь 道。德。聖。 и другимъ, имъ подобнымъ, выраженіе «синь минъ» имѣетъ параллельный конфуціанскому даосскій смыслъ. Оба толкованія исходятъ изъ одной и той же послылки, а именно, что «природа» (синь) по отношенію къ «велѣнію» (минъ) является отношеніемъ человѣка къ небу. Однако, въ то время какъ конфуціанскіе термины означаютъ приблизительно то, что стоитъ выше (въ переводѣ) и основано на формулѣ танскаго толкователя Кунъ Инда («природа»—это небомъ рожденная субстанція: твердая, мягкая, медлительная, быстрая и т. п.; «велѣніе»—это то, что человѣкъ получаетъ отъ неба: знатность, убожество, недолговѣчность, долговѣчность и т. п. 性者。天生之質。若剛柔遲速之別。命者。人所稟受。若貴賤夭壽之屬。)—даосская формула гораздо отвлеченнѣе и имѣетъ для перваго слова значеніе «изначальной истинности, духовнаго сіянія», а для втораго—«небеснаго первоэпира, высшей эманации» (何謂之性。元始真如。一靈罔罔。是也。何謂之命。先天至精。一炁氤氳。是也。... 以其在天。則謂之命。在人。則謂之性。) Последнее излагается по трактату Синь минъ гуй чжи 性命圭旨, содержащему въ себѣ катехизисъ эзотерическаго даосизма, вращающагося вокругъ названныхъ понятій. О немъ см.: Wylie, Notes on Ch. lit., p. 178: «one of the most celebrated treatises on this art (the government of the inner man)»; Васильевъ, Матеріалы для ист. кит. лит., стр. 227: алхимическая, волхвовательная (!) книга.

этихъ словъ¹]. Онъ обожалъ и чтить ученіе Хуан'а (Хуанъ Ди) и Лао (цзы)².

Однажды къ нему неожиданно явился иѣкій даосъ. Сюаньинъ пригласилъ его посидѣть въ гостиной и обращался съ нимъ, какъ съ гостемъ. Спросилъ его о фамилии, происхожденіи, имени. На всѣ эти вопросы даосъ не отвѣчалъ, но назвалъ себя «Солнечнымъ» (Чжэнъянь-цзы)³. Сюаньинъ сталъ [служить ему, какъ ученикъ учителю⁴ и] все болѣе и болѣе просить его (говорить). Даосъ изложилъ ему тогда основную суть ученія о чистомъ покоѣ и недѣяніи, а также наиболѣе существенныя начала ученія о «золотой слюнкѣ» и о «возвращающемъ (истинную жизнь) камнѣ»⁵. Окончивъ изложеніе, онъ потребовалъ десять куриныхъ яицъ и десять⁶ золотыхъ монетъ⁷. Затѣмъ, положилъ одну монету на столъ, а на нее нагромоздилъ всѣ десять яицъ въ видѣ башни-пагоды⁸. [Создавалось очень рискованное построеніе,

¹ По Цзинъ лянъ чжэнъ-цзунъ цзи (I. с.).

² Извѣстно, что этимъ старымъ (встрѣчается уже у Сыма Цян'я) терминомъ называется даосизмъ, какъ иѣчто болѣе сложное, чѣмъ философія Дао.

³ Хуанъ Болу дѣлаетъ, кажется, правильное замѣчаніе, что это былъ (давно уже умершій въ первомъ рожденіи) одинъ изъ знаменитыхъ «восьми безсмертныхъ» — Чжунли Цюань (Хань Чжунли). — По Цзинъ лянъ чжэнъ цзунъ сянь юань сянь чжуанъ (I. с.), даосъ не отвѣтилъ Лю Цао ничего, и только впоследствии, когда послѣдній самъ сталъ монахомъ, они встрѣтились, и Лю, получивъ отъ него секретъ вѣчной пилюли, узналъ, что онъ не кто иной, какъ Чжэнъянь-цзы.

⁴ Свѣдѣнія Цзи фу тунъ чжи (I. с.).

⁵ По Шэнь сянь тунъ цзянь (I. с.), этотъ секретъ былъ ему врученъ не Чжэнъянь-цзы, а Люй Шуньян'омъ (Люй Дунбин'емъ), другимъ безсмертнымъ того же цикла «восьми», который этимъ «перевелъ» Лю въ безсмертные. Сочиненіе «Печать и свидѣтельство о золотой слюнкѣ и о возвращающемъ камнѣ» (金液還丹印證) входитъ въ сокращенный даосскій канонъ (напр., въ томѣ Вэй, Дао цзанъ цзи яо). См. также указатель Вигера, № 148.

⁶ Здѣсь начинается расхожденіе версій, создающее противорѣчивую картину притчи. Большинство версій стоитъ за десять, и только одна (Цзинъ лянъ чжэнъ цзунъ цзи, I. с.) — за одну монету.

⁷ Извѣстно, что въ Китаѣ золотыя монеты никогда не отливались. Однако, въ богатомъ домѣ онѣ всегда могли найтись, какъ драгоценность древней формы, съ особымъ (любимымъ) почеркомъ легенды и т. д. До сихъ поръ въ китайскихъ домахъ можно найти монеты, совершенно не предназначенныя для государственнаго дѣла, напримѣръ, громадныхъ размѣровъ, съ разнообразными рисунками, «счастливыми словами» благожеланій и, наконецъ, просто амулеты, лишь надписанныя съ одной стороны монетной легендой. Такія монеты могутъ быть и мѣдныя, и серебряныя, и золотыя, тогда какъ мы знаемъ, что серебряныя монеты — и то европейскаго образца, т. е. безъ квадратнаго отверстія посрединѣ — появились лишь въ самомъ концѣ XIX вѣка, а золотыхъ не существовало и не существуетъ совершенно.

⁸ Такъ и въ Шэнь си тунъ чжи (I. с.). Однако, Шэнь сянь тунъ цзянь, Ли дай сянь ши и Цзи шо цюань чжэнь (Хуанъ Болу) даютъ версію, болѣе послѣдовательную и, вообще, имѣющую многое за себя. По ихъ представленію, даосъ переложилъ яйца съ деньгами вперемежку, такъ что получилась, дѣйствительно, схема буддйской пагоды - башни, состоящей, какъ извѣстно, изъ отчетливо очерченныхъ звеньевъ. Квадратныя отверстія монетъ играли роль постаментовъ (для смежныхъ яицъ), хотя, конечно, никакому фокуснику подобная постройка не удалась бы.

Хуанъ Болу, въ примѣчаніи къ этому мѣсту текста, добавляетъ, что это-то и есть

но башня не рушилась¹]. Сюаньинь, съ тревогой и вздохомъ удивленія, вскричалъ: Это же рискованно (опасно)! Даось сказалъ: Когда человекъ пребываетъ на пышномъ чиновномъ посту, то въ это самое время онъ ступаетъ по юдоли горя и страданія, и такое положеніе бываетъ гораздо опаснѣе вотъ этого²! [Сюаньинь спросилъ: А какъ же сдѣлать, чтобы не было

происхожденіе извѣстнаго ходячаго выраженія «Лю Хай играетъ золотою деньгой». Однако вѣдь, «играетъ»-то не Лю Хай, а его собесѣдникъ!

¹ Это добавленіе идетъ изъ Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи (I. с.).

² По Шэнь сянь тунъ цзянь и Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи (I. с.), даось сказалъ ему прямо: «Жизнь и судьба ваши находятся въ опасности, которая еще больше, чѣмъ эта».

Эта иллюстрированная притча не имѣетъ никакого права на оригинальность. Въ самомъ дѣлѣ, какъ повѣствуетъ извѣстный авторъ и комментаторъ ханьской эпохи Лю Сянь 劉向 (80—9 до Р. Х.), притчевая демонстрація опасности человѣческихъ исканій, при помощи нагроможденія лицъ въ пирамиду, извѣстна была уже въ VII в. до Р. Х. Переводъ этого разсказа Лю Сянь'а, находящагося въ его сборникѣ статей Шо Юань 說苑 («Садъ разсказовъ»), уже былъ данъ Arendt'омъ на страницахъ China Review (XIV, 65—66) въ 1885 году. Хотя я, такъ же какъ и Arendt, не могъ разыскать этого разсказа въ имѣющемся у меня изданіи Шо Юань (печ. Хубэй'скою фирмой Чунь-вэнь въ 1875 г.), однако, считаю нужнымъ дать здѣсь точный его переводъ по двумъ версиямъ (извлеченнымъ изъ комментаторовъ на Сыма Цян'я и Бань Гу) и безъ литературныхъ ухищреній.

«Цзинь'скій князь, названный послѣ смерти Чудеснымъ (Линъ), сталъ строить башню въ девять этажей, израсходовавъ на это миллионы [вар.: тысячи]. Окружающимъ онъ сказалъ: «Всякаго, кто посмѣетъ выступить съ возраженіемъ, казнию». Сюнь Си (или Сунь Си), [услышавъ объ этомъ, подалъ бумагу и] просилъ принять его. Князь принялъ его, держа въ рукахъ натянутый лукъ и стрѣлы. — «Ты, что же, возражать желаешь?» — спросилъ онъ. Сюнь Си отвѣчалъ: «Я не посмѣю возражать. Но я сумѣю составить 12 шашекъ, и на нихъ наложить 9 куриныхъ яицъ». Князь сказалъ: «Я никогда этого не видалъ. Сдѣлай-ка мнѣ это!» Тогда Сюнь Си съ серьезнымъ лицомъ и съ большою сосредоточенностью положилъ шашки внизъ, а яйца наверхъ. Стоявшіе вокругъ трепетали, затаивъ дыханіе. Князь [также прервавъ дыханіе] вскричалъ: «Опасно [опасно]! (Берегись!)». Сюнь Си сказалъ: «[Это не опасно]. Есть еще болѣе опасное (болѣе рискованное) фокусъ». Князь сказалъ: «Я хочу, чтобы и это ты мнѣ показалъ». Сюнь Си отвѣчалъ: «Девяти-ярусная (твоя) башня строится уже три года, а все еще не готова. Ни мужчины не могутъ пахать, ни женщины не могутъ прясть. Государственныя средства пустѣютъ, истощаются. Семей становится все меньше и меньше. Слуги царства бунтуютъ и бѣгутъ, а сосѣднія владѣнія уже начинаютъ замышлять походъ на насъ. [Царство погибаетъ. На что надѣешься, государь?] Князь сказалъ: «Вотъ до чего дошло мое заблужденіе!» И сейчасъ же велѣлъ сломать башню».

Этотъ историческій анекдотъ служитъ источникомъ намековъ, сравненій и даже, по-видимому, пословицъ, часто встрѣчающихся и въ историческихъ, и въ поэтическихъ текстахъ. Такъ, уже у Сыма Цян'я, т. е. въ текстѣ, приблизительно, начала перваго вѣка до Р. Хр., въ повѣствованіи объ извѣстномъ политическомъ дѣятелѣ третьяго вѣка до Р. Хр. Фань Суй'ѣ 范雎 (Шицзи, LXXIX), встрѣчаемъ такую фразу: «Удѣлъ Цинь'скаго князя находится въ болѣе опасномъ (рискованномъ) положеніи, нежели сложившаяся въ грудѣ яйца» (秦王之國危於累卵). Затѣмъ, въ «Исторіи» первой (династіи) Хань, т. е. въ текстѣ перваго вѣка по Р. Хр., въ повѣствованіи о писателѣ Мэй Чэн'ѣ (Цянь Хань шу, LI; въ конкордансѣ Пэй вэнь юнь фу этотъ примѣръ почему-то пропущенъ), это рискованное положеніе груды яицъ на столѣ противопоставляется увѣренной твердынѣ гора Тай (Тай шань): 必若所欲。爲危於累卵。難於上天。變所欲。爲易於反掌。安於泰山。 Аналогичныя этимъ сравненія находимъ и въ позднѣйшихъ историческихъ текстахъ, какъ, напримѣръ, въ «Исторіи» второй Хань

опасности¹? Тогда] даось [собралъ яйца, спрягалъ ихъ² (въ карманъ?)] разломилъ монету пополамъ³, бросилъ на полъ, [расхохотался³], простился и ушелъ.

Послѣ этого Сюаньинъ глубоко прозрѣлъ [свою (предыдущую) жизнь⁴], и въ ту же ночь велѣлъ домашнимъ приготовить (прощальный) пиръ. [На этомъ ночномъ пиру онъ, притворившись сильно пьянымъ⁴], выбросилъ вонъ все золото, драгоценные камни, [чарки, блюда, дорогую посуду — все это онъ разбилъ вдребезги. Жена его и дѣти сердились и бранились⁴. Даже] раннимъ утромъ, [по выходѣ изъ дворца послѣ аудіенціи, лицо его не прояснилось⁴. И вотъ, онъ], отвязавъ (отъ пояса) свою министерскую печать, откланялся государю⁵, переодѣлся и сталъ даосомъ. [Пребывая, по духу Дао, въ ничтожествѣ, въ жалкомъ положеніи, онъ сталъ унижать этимъ свое виѣшнее естество, грязнить его⁶. Онъ притворялся безумнымъ⁷ (юродивымъ), пѣлъ, плясалъ и составилъ про себя слѣдующую пѣснь⁸]:

(Хоу Хань шу, гл. 105, біограф. Люй Бу): **必受不義之名。將有累卵之危矣。**; въ «Исторіи Вэй» (Вэй чжи, гл. 7, біограф. Чжанъ Мао, и гл. 28, біограф. Чжунъ Хуй'я): **受天下不義之名。必有累卵之危。... 去累卵之危。就永安之福。**; въ «Исторіи Цзинь» (Цзинь шу, въ концѣ гл. 79, въ статьѣ о Сѣ Ан'ѣ): **居獲太山之固。維揚去累卵之危。** и т. д. Наконецъ, въ одной классической одѣ III в. по Р. Хр. (**魏都賦**; см. Вэнь Сюань, гл. 6, стр. 16, по общедоступному изданію фирмы Хайлу сюань **海錄軒**) находимъ вполне ясный намекъ на данный анекдотъ во всей его полнотѣ: **顧非累卵於壘碁焉至觀形而懷怛。** Какъ видно, здѣсь упомянуты и шашки и яйца. Впрочемъ, можно встрѣтить упоминаніе и о числѣ яицъ, дѣйствовавшихъ въ анекдотѣ, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи XIII вѣка: **一若泰山安。一若九卵累。** Въ комментаріяхъ къ этимъ мѣстамъ цитируется весь анекдотъ, причемъ допускается легкой вариантъ, не нарушающій общаго смысла.

Такимъ образомъ, даось повторилъ уже давно извѣстный пріемъ иллюстрированія мысли о ничтожествѣ человѣческихъ построеній. А, вѣдь, выглядитъ весь этотъ пассажъ крайне оригинальнымъ! И то, что Лю Цао былъ сраженъ этою демонстраціей, свидѣтельствуется только о его скудной начитанности въ текстахъ, всегда считавшихся въ Китаѣ основой образованія.

¹ Это добавленіе — по Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи (вторая версія, I с.).

² По Ли дай сянь ши: «... всѣ (эти яйца) разбилъ (золотую) монетой и выбросилъ».

³ Такъ по первой версіи Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи яо (I с.). По второй же: «въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, даось собралъ яйца (снова въ безформенную кучу) и монеты, швырнулъ (все это) на полъ, расхохотался и ушелъ».

⁴ Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи.

⁵ По версіи Шэнь сянь тунъ цзянь, поддержанной у Хуанъ Болу, онъ ушелъ потому, что видѣлъ приготовленія Лю Шоугуан'а къ объявленію себя царемъ. Однако, при чемъ здѣсь эта конфуціанская прямолинейность? — По версіи Цзи фу тунъ чжи, онъ ушелъ въ Цинь (Шэнь си) вмѣстѣ съ открывшимъ ему глаза даосомъ.

⁶ Это одинъ изъ основныхъ мотивовъ Дао-дэ-цзиня (Лао-цзы): «Всѣ люди свѣтлы-свѣтлы, а я одинъ темень-темень» и т. д.

⁷ Безуміе, или юродивость, во имя Дао и изъ презрѣнія къ людямъ — одинъ изъ основныхъ мотивовъ Чжуанъ-цзы и Хуайнанъ-цзы.

⁸ Эти бездарныя вирши, врядъ ли дѣлающія честь литературной репутаціи Лю Цао, быть можетъ, сочинены подъ него почтительнымъ авторомъ Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи.

«Я подь Великимъ Годомъ¹ родился въ Янь'ской землѣ.
Помню: тогда три свѣтила² выдѣлили дивный эфиръ.
Съ пучкомъ-рождкомъ³—полностью свѣтился душою, что снѣгъ,
что иней,
Шестнадцати лѣтъ рано взошелъ на ученую высшую степень⁴.
Томился по «красному», любилъ «пурпуръ»⁵... Золотою печатью⁶
былъ знатенъ.

Всѣ, всѣ тонкіе шелка легко висѣли на тѣлѣ.
И вотъ, теперь, на вышемъ посту, въ рукахъ «мотокъ и нить»⁷...
Сразу, вдругъ все прежнее—весенній одинъ сонъ!
Вчера ночью дома пировалъ вплоть до третьей стражи,—
Сыновья, дочери, жена, и съ ними прислуживали мнѣ наложницы.
А я, притворясь пьянымъ, бросилъ чарки, блюда, подносы,
Разбилъ вдребезги яшмовые, разные драгоцѣннаго камня сосуды.
Сыновья, дочери негодуютъ,
Жена меня ненавидитъ...

А я забылъ всѣ прежнія радости нарядовъ и пировъ,
Съ наступленіемъ утра, выйдя изъ дворца, гнѣвъ еще сохранилъ...
Этихъ ребятъ малая провинности не на кого болѣе возложить⁸.

Вслѣдствіе всего этого,
Я всмотрѣлся и прозрѣлъ.

Изъ прошлыхъ всѣхъ вращеній судьбы кто же вызволить, спасетъ?
— Ушелъ съ должности, вручилъ печать, бросилъ славу и блескъ,
И въ горькомъ порывѣ тѣла и души сталъ искать выходного пути»⁹.

[Кромѣ того,] у него находимъ по этому поводу слѣдующіе стихи¹⁰:

«Бросилъ, оставилъ пламя-жилъ въ три тысячи душъ¹¹,
Отставилъ, удалилъ привратниковъ-солдатъ сотню тысячъ семей».

Эти стихи — повѣствованіе о фактѣ (а не фантазія)...

¹ т. е. подь Юпитеромъ.

² Солнце, луна, планеты.

³ т. е. въ прическѣ ребенка.

⁴ и отъ этого земного успѣха началъ портиться.

⁵ Одѣянія высшего чиновничества.

⁶ сановника.

⁷ т. е. всѣ указы государя, исходящіе отъ него, какъ нить изъ мотка.

⁸ Смыслъ этой фразы неясенъ.

⁹ Все это находится только въ даосскомъ Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи.

¹⁰ По Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи, — только одну антитегическую фразу.

¹¹ Вариантъ Шуньтянь-фу чжи: «пальцевъ» я отказываюсь учесть.

Онъ завязалъ «внѣмѣрную» дружбу съ Чжапъ Умын'омъ, Чжунъ Фанфан'омъ¹ и учителемъ Чэнь Си² и по временамъ писалъ (имѣ?) стихи. Есть собраніе его стихотвореній, ходящее въ свѣтъ³. Въ своихъ стихахъ онъ поетъ о подвигѣ и объ очищеніи плавкой человѣческаго естества. Есть отдѣльное его сочиненіе о «возвращающей (истинное естество) золотой пилюльѣ», также ходящее въ свѣтъ. [Это ученіе онъ получилъ отъ явившагося

Рис. 6.

ему Люй Шуньян'а (Дуйбин'я), и съ этого момента начинается его спасительная и чудесная миссія⁴].

¹ По Ли дай сянь ши, его звали только Чжунъ Фанъ.

² Примѣчаніе къ Шэнь сянь тунъ цзянь даетъ еще два имени его «внѣстранныхъ» друзей: Ли Чжэньдо и Эр Чжудунъ (李珍多。爾朱洞。) Кроме того, въ «Исторіи династіи Сунъ» (гл. 462) находимъ извѣстіе о томъ, что онъ былъ въ большой дружбѣ съ Чжэнь Цичжэн'емъ (Даюань) 甄棲真。字道淵., начавшимъ, подъ конецъ жизни, какъ и онъ, «стать трупомъ» (воскресать изъ тлѣнія). Они обмѣнивались стихами и сужденіями о тайныхъ средствахъ «питанія жизни». Книга Чжэнь'я, трактующая объ этомъ предметѣ, носитъ названіе «Возвращающая золотая (пилюля)», — извѣстное намъ уже изъ предыдущаго изложенія. Можно думать, что самопрозваніе Чжэнь'я: Шэньгуанъ-цзы, т. е. «Божественный Свѣтъ», имѣетъ общій смыслъ съ самопрозваніемъ Лю: Хайчжанъ-цзы «Жаба (луна) изъ моря», при помощи отвлеченнаго образа космической трехлапой астральной жабы. Объ этомъ см. выше.

³ Разыскать ихъ я, однако, не могъ ни въ Дао цзанъ цзи ло, ни въ «Сборникѣ статей о стихахъ эпохи Ляо», Ляо ши хуа 遼詩話.

⁴ Эта встрѣча съ Люй'емъ составляетъ дѣль статьи о Лю Цао въ Люй ди шэнь цзи цзи ло. О ней упоминаетъ и Ли дай сянь ши и Цзи шо цюанъ чжэнь (Хуанъ Болу).

[Онъ уплыль далеко, на Цинь'скія рѣки, грязнилъ свой земной ликъ у Синяго Города¹, лѣпилъ свой истинный (внѣчеловѣчскій) ликъ (подвигомъ исканія) близъ горъ Тай Хуа, скрывалъ слѣды свои въ горахъ Чжуннань, гдѣ питалъ эссенцію своего духа и плавилъ его, чтобы достичь абсолютной «истинности». Онъ глубоко скрывалъ свой свѣтъ, таилъ свое сіяніе², и никто изъ людей не могъ въ него испытующе проникнуть³. Онъ передалъ свое ученіе о тайнахъ Дао Дунъ Ниньян'у и Чжанъ Цзыян'у и, вообще, имѣлъ очень много учениковъ]. Онъ удалился (также) въ уединеніе на Фениксову гору въ области (чжоу) Дай, [гдѣ предался (алхимическимъ) исканіямъ бессмертной пилюли и гдѣ сталъ являть чудеса]. Въ 9-й годъ правленія, титулуемаго «Небесное Совершенство» (1031), при сунскомъ «Человѣчномъ» государѣ (Жэнь-Цзун'ѣ), онъ пошелъ странствовать по знаменитымъ горамъ и, куда ни приходилъ, вездѣ оставлялъ по себѣ многочисленныя слѣды. Такъ, однажды, въ Дай-чжоу'скомъ даосскомъ храмѣ «Долговѣчности и Покоя» (Шоунингъ⁴ гуань) онъ начерталъ слѣдующіе «древніе»⁵ стихи въ 10 строчъ:

«Опьянѣлый, верхомъ на бѣломъ ослѣ являюсь⁶,

Вверхъ дномъ неся мѣднохвостую рукоять⁷.

Веду за собой раба съ синими глазами,

Несущаго на себѣ только зобъ кувшина⁸...

Я забылъ дѣла брэннаго міра⁹,

Домомъ живу у колодца Гэ Хун'а¹⁰.

Не читая книги «Желтаго Двора»¹¹,

¹ Въ Сычуан'и.

² По завѣту Даодэцзина (Лао-цзы).

³ Цзи фу тунъ чжи.

⁴ Конкордансъ Пэйвэнь юньфу (томъ 92, 53, 145 г.), приводя нижеслѣдующіе въ текстѣ стихи, какъ цитруемые поэтомъ XIII вѣка Юань Хаовэнь'емъ 元好問 въ одномъ изъ его сочиненій, представляетъ ихъ написанными не въ храмѣ Шоунингъ гуань, а въ Чаннингъ сы. Въ текстѣ находимъ нѣкоторые варианты.

⁵ т. е., въ подражаніе древнимъ, свободные отъ строгихъ правилъ стихосложенія.

⁶ Вариантъ даетъ: «Опьянѣлый, иду... Вѣлыя облака приплыли...» Это хуже.

⁷ Вѣроятно, рѣчь идетъ объ опорожненномъ винномъ сосудѣ (чайникѣ).

⁸ Пэйвэнь и Шуньтянь-фу чжи даютъ эту, приблизительно, понятную версію. Вариантъ Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи: «несущаго на себѣ только (свой) варварскій (ху) зобъ» совершенно для меня необъяснимъ.

⁹ Выбираю этотъ вариантъ противъ версіи Шуньтянь-фу чжи: „Самъ (pro domo mea) рассказываю о дѣлахъ Цинь'скаго времени (по образу забывшихъ о времени людей поэмы Тао Цян'я «О персиковомъ источникѣ»)“, хотя и эта версія имѣетъ за себя многое. Приходится сожалѣть объ отсутствіи изданія стиховъ Лю Цао, которое позволило бы судить о вариантахъ съ нѣкоторою опредѣленностью.

¹⁰ См. въ біогр. слов. Джайлса, статью № 978. Фраза означаетъ культъ этого извѣстнаго алхимика IV вѣка по Р. Хр.

¹¹ Извѣстное сочиненіе о внутреннемъ самоуправленіи человѣка. См. въ книгѣ Wylie (l. c.), p. 177.

Можно ль зажечь котель «Дракона и Тигра»?¹

— Одинъ стою среди столичныхъ площадей,

Не принимая приглашеній грубыхъ людей.

Хочу взять громами гремящую лютню

И уйти въ высь, на высоты Гуньлун'евыхъ² горъ.

У'скихъ воловъ купилъ десять головъ,

У ручья поле запашу на половину цин'а.

Посью рисъ (шу), чтобы курить бѣлое вино³ —

Вотъ и будетъ⁴ область безсмертныхъ людей!

Опьянѣлый лежу подъ тѣнью сосны,

Безпечно встрѣчаю⁵ вершины съ бѣлымъ снѣгомъ.

Захочу уйти — сейчасъ же и уйду:

Прямо войду въ полосы пестрыхъ⁶ зарницъ».

Рядомъ съ этой надписью онъ нарисовалъ свое изображеніе и написалъ зажатымъ въ пальцы воротникомъ⁷ четыре [огромныхъ, въ сажень слишкомъ,] знака «Гуй хэ ци шу» («Черепакъ, аисту приравняться въ долготѣи!») и подписался: «Писалъ (и рисовалъ) праздный человекъ изъ Гуанли'а⁸, Лю (такой-то)». Придя на Фениксову гору въ храмъ «Прилетѣвшаго для привѣтствія (Феникса)», онъ опять, самъ нарисовалъ свой портретъ и «летучимъ, пустымъ» почеркомъ⁹ набросалъ четыре знака «Цинъ анъ фу шу» («Чистый покой, счастье, долговѣчность») ¹⁰. Кроме того, онъ нарисовалъ еще картину пяти свѣтилъ¹¹. Себя онъ изобразилъ въ головной повязкѣ, въ желтой одеждѣ, съ виннымъ ковшомъ на правомъ плечѣ и съ холщевымъ мѣшкомъ, прорваннымъ и заплатаемымъ. Духъ и ритмъ картины были древнепрѣсны. Всѣ, кто глядѣлъ на нее, понимали, что здѣсь изображенъ достигшій даосъ.

Затѣмъ, въ Чэнду, въ храмѣ «Синяго Барана»¹² онъ брызгами туши

¹ т. е. котель для выварки пилюли безсмертія.

² Вариантъ Шуньтянь-фу чжи: «Фужун'овыхъ» (Ненюфаровыхъ).

³ Какъ поэтъ-отшельникъ IV—V вв. Тао Цянь, преданный вину.

⁴ Вар.: «все это — ...».

⁵ Вар.: «стою на ...».

⁶ Вар.: «осеннихъ ...».

⁷ Вар.: «брызгами туши».

⁸ Здѣсь, очевидно, корень недоразумѣнія съ мѣстомъ происхожденія Лю Цао. Однако, врядъ ли явится сомнѣніе въ томъ, что онъ происходилъ изъ Пекина, ибо, служилъ ли онъ Ляо, или же Лю Шоугуан'у—онъ жилъ въ этой мѣстности.

⁹ Этотъ почеркъ изобрѣтенъ извѣстнымъ ученымъ и каллиграфомъ II в. по Р. Хр. Цай Юн'омъ въ подражаніе... метлѣ привратника, чертящей на песокѣ фигуры. Почеркъ этотъ отличается «сухостью» и нарочно оставляемыми бѣлыми полосами внутри штриховъ.

¹⁰ Вар.: «Долговѣчности—что гору, счастья—что моря!» См. далѣе.

¹¹ т. е.—планеты.

¹² Воспоминаніе объ апокрифѣ жизни Лао-цзы, велѣвшаго себя искать около лавки «Синяго барана».

набросалъ четыре знака «Шоу шань фу хай» («Долговѣчности — (что) гору, счастья — (что) моря»)¹. (Теперь замѣтимъ, что) храмы «Долговѣчности и Покоя» и «Прилетѣвшаго съ привѣтомъ (феникса)» отстоятъ на два перергона², а отъ западной Шу (=Чэнду) до Дай-чжоу (гдѣ эти два храма)— нѣсколько тысячъ ли. (Оказалось же, что) всѣ эти надписи были сдѣланы въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ. Такимъ образомъ, онъ непостижимо явилъ людямъ раздвоеніе своего земного естества, распыленіе своей тѣни, божественную измѣнчивость и вѣнепредѣльность.

[Нѣкто Чжанъ Мынцянъ³, изъ Мынъ дянъчжэнь⁴, на старости почувствовалъ влеченіе къ Дао и желаніе разстаться съ грубымъ міромъ⁵. Онъ повстрѣчался съ Лю Хайчжанъ-емъ, который вручилъ ему средство къ безсмертію⁶. Однажды онъ началъ прощаться со всѣми въ деревнѣ, говоря имъ, что черезъ 10 дней, въ полдень, онъ улетитъ. Эти рѣчи были сочтены за бредъ сумасшедшаго. Однако, когда день этотъ насталъ⁷, Чжанъ влѣзъ на самый верхъ акаціи и выплюнулъ цѣлую мѣру слюны. Кошки и собаки бросились се подлизывать и вмѣстѣ съ нимъ стали возноситься вверхъ. Нѣкій торговецъ изъ Цзинъянъ-а какъ разъ въ этотъ день и часъ видѣлъ (Чжанъ) Мынцянъ-я въ Юньпани].

[При Чжэнь-цзунъ-ѣ⁸ нѣкій духъ сошелъ съ небесъ и черезъ одного жителя Фынсянъ-а, Чжанъ Шоучжэнь-я, сталъ передавать божественныя рѣчи. За это его пожаловали (государь) титуломъ «Летящаго Пророка (Святого)». Духъ перевелъ (Чжанъ) Шоучжэнь-я въ даосы, заставивъ его поддерживать огонь куреній въ имъ же выстроенномъ для поклоненія (этому духу) огромномъ храмѣ. Когда въ районѣ ста ли появлялся человекъ, который ѣлъ воловье мясо и носилъ обувь изъ воловьей кожи, то съ нимъ непременно случалось несчастье, а нѣкоторые даже моментально умирали⁹. Однажды нѣкій человекъ, въ грубомъ халатѣ и синей головной повязкѣ, въ волочащихся по землѣ огромныхъ сандаляхъ изъ воловьей кожи, прямо прошелъ во дворъ храма, поднялся въ самый храмъ,

¹ Вар.: предыдущая надпись, перенесенная сюда.

² Около 35 верстѣ.

³ По версіи Ту шу цзи чэнъ-а, расходящейся съ изданіемъ Шаньси тунъ чжи, которымъ я пользуюсь, его прозвище — Даю.

⁴ По Ту шу, — изъ Цзинъянъ-скаго уѣзда въ Ша(э)ньси.

⁵ Въ Ту шу иначе: «Домъ его былъ богатъ, но его влекло къ безсмертнымъ (къ разсказамъ о нихъ)».

⁶ По Ту шу, средство къ (достиженію) Дао, что, въ данномъ случаѣ, одно и то же.

⁷ Ту шу даетъ точную дату: 3-й день первой луны перваго года (сунскаго) Сяньпинъ (998 г.).

⁸ Вѣроятно, сун-скомъ (998—1023).

⁹ Признательное уваженіе къ волу и коровѣ, царящее въ Китаѣ, общеизвѣстно, точно такъ же какъ и увѣщаніе не ѣсть коровьяго мяса.

небрежно поговорилъ (съ даосомъ), осмотрѣлъ все кругомъ и вышелъ. (Чжанъ) Шоучжэнь сейчасъ же возжегъ куренія и обратился къ духу со слѣдующими словами: «Такого наглеца, какъ этотъ человѣкъ, ты, духъ, не убилъ на мѣстѣ... Есть чему ввести въ недоумѣніе мой слухъ и взоръ!» Духъ нисшелъ и отвѣчалъ: «Знаешь ты этого человѣка или нѣтъ? Вѣдь, это же только-что достигшій Дао Лю Хайчжанъ! На небесахъ видятъ, что нынѣ, въ виду постепеннаго вхожденія міра въ послѣднія времена, обращающихся въ Дао мало. Между тѣмъ, Высшій Владыка сильно желаетъ «переводить» (спасать) людей, и каждый разъ, какъ кто-нибудь изъ нихъ достигнетъ Дао, — всѣ Девять Небесъ поздравляютъ его. Этотъ Лю Хайчжанъ, получивъ спасеніе, не пожелалъ сейчасъ же отправиться на свой блаженный постъ безсмертнаго, а все еще ломаетъ себя и гнетъ себя въ брэнномъ мірѣ праха, ища, кого бы «перевести»... Это его плюсъ, а вовсе не убожество по сравненію съ другими! Я даже прямо смотрѣть на него не смѣю... Еще бы я смѣлъ его винить!»¹].

[Ли Гуань, товарищъ министра, рассказывалъ самъ, что какъ-то, во время своихъ послѣднихъ экзаменовъ, онъ отправился на прогулку въ Южныя (Священныя) Горы. Дорога шла черезъ область Тань (-чжоу). Онъ зашелъ выпить вина въ мѣстности Утинъ². Вдругъ видитъ—идетъ какой-то человѣкъ съ бамбуковой коробкой на плечѣ и съ приборомъ для складыванія пельменей³ въ рукахъ; подходитъ прямо къ нему и спрашиваетъ: «Я слышалъ, что вы направляетесь въ Южныя Горы. Хорошо ли вы знаете Питающаго Простоту Учителя, Лань Фан'а?» (Ли) Гуань отвѣчалъ, что онъ непременно пойдетъ навѣстить его. Тогда человѣкъ сказалъ: «Позвольте затрудить васъ просьбой передать ему, что-де неслужащій ученый Лю почтительно освѣдомляется у васъ, учитель, какимъ образомъ удалось вамъ разрѣшиться отъ десяти тысячной беременности?» Сказавъ это, человѣкъ рѣшительно вышелъ, не обращая больше ни на кого вниманія. (Ли) Гуань пріѣхалъ въ Южныя Горы, отыскалъ (Лань) Фан'а и въ точности передалъ ему эти слова. (Лань) Фанъ съ грустью и испугомъ спросилъ⁴: «Не было ли у этого человѣка въ бровяхъ бѣлаго пятна?» (Ли) Гуань отвѣтилъ, что пятно, дѣйствительно, было. (Лань) Фанъ сильно испугался и сказалъ: «Значитъ, такова ужъ судьба, если я не повстрѣчалъ этого человѣка! Это — такъ называемый Лю Хайчжанъ. Я питалъ въ своей утробѣ совершенный (святой) плодъ, который уже былъ готовъ, и я только тревожился, что не было

¹ Весь этотъ рассказъ заимствованъ Ту шу цзи чэн'омъ изъ Чунь чжу цзи вэнь. Я нуждаюсь въ указаніи на его ультра-буддійскую тенденцію.

² Вариантъ Ту шу цзи чэн'а: Шэнъ ци тинъ.

³ Вариантъ Ту шу цзи чэн'а: съ приборомъ для заколачиванья канги. Вся разница этихъ знаковъ только въ детерминативахъ.

⁴ Начиная отсюда, изложеніе идетъ по тексту Тушу цзи чэн'а, ибо въ Шуньтянь-фу чжи это выпущено.

средства его родить. И думалъ я, что безъ этого человѣка плодъ моей утробы не сможетъ завершить мое Дао. Теперь же вѣсть отъ него слышу, а свидѣться съ нимъ не удастся. Не завершится моему Дао!» (Ли) Гуань сейчасъ же поспѣшилъ обратно въ Тянь-чжоу, но отъ Лю Хайчжан'я уже пропалъ и слѣдъ. Въ этотъ годъ (Лань) Фанъ умеръ].

[Вообще, явленныхъ святителемъ чудесъ такъ много, что нѣтъ возможности изложить ихъ полностью, а приходится ограничиться главными].

Рис. 7.

Чѣмъ окончилась земная жизнь Хайчжань-цзы, нѣкоторымъ неизвѣстно¹, но большинство² рассказываетъ, что, послѣ того какъ пилюля вѣчной жизни была приготовлена, онъ умеръ, и трупъ его началъ исчезать³. Бѣлый паръ вышелъ изъ темени. Онъ измѣнилъ видъ и, превратившись въ журавля, улетѣлъ въ небеса. Этому его чудесному вознесенію даосскій канонъ приписываетъ дату: 27-го числа 11-й луны⁴.

Есть, однако, и другая версія легенды о его вознесеніи, представляю-

¹ Цзинь лань чжэнь цзунъ цзи (I. с.).

² Шунь тянь-фу чжи, Шаньси тунъ чжи.

³ Чудесное исчезновеніе, или же мумификація тѣла безсмертнаго, добившагося этого своимъ подвигомъ. Существуетъ нѣсколько родовъ этого чудеснаго процесса: сохранность трупа, какъ живого тѣла; неизмѣняемость тканей на конечностяхъ; живой взглядъ глазъ; воскресеніе изъ мертвыхъ; исчезновеніе трупа до его положенія въ гробъ; вознесеніе тѣла, скинувшаго лишь волосы, въ высъ. Высшее чудо—это исчезновеніе дневное. Цитую свѣдѣнія «Повѣствованія о безсмертныхъ» Цзи сянь лу 集仙錄 по словарю Цы Юань (I, инь, 114).

⁴ Годъ, попрежнему, забыть.

щая его въ образѣ наймита-работника, ищущаго трехлапую жабу и добывающаго ее, послѣ чего, съ нею на плечахъ, онъ возносится живымъ на глазахъ у всѣхъ ¹.

При монгольской династїи Юань ему былъ пожалованъ сначала однимъ, а потомъ другимъ богдыханами ² хвалебный, пышный титулъ: «Истинный Владыка, Морская Жаба ³, Просвѣтленный, Прозрѣвшій, Возвеличившій Дао ⁴» и даже «Прямой Помощникъ (Нашъ), Августѣйшій Владыка, Морская Жаба, Просвѣтленный, Прозрѣвшій, Возвеличившій Дао ⁵».

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, онъ считается патриархомъ даосизма. Однако, источники этихъ свѣдѣній противорѣчатъ другъ другу, считая его то патриархомъ южной секты, то — сѣверной.

Таковы жизнеописаніе, мифъ и легенда о Лю Хайчжан'ѣ, даосскомъ подвижникѣ-святителѣ, патриархѣ. Какъ видимъ, онъ представленъ столь далекимъ отъ смѣющагося отрока ⁶, прельщающаго монетами жабу, что лицу, относящемуся очень строго къ народной старинѣ и требующему отъ нея точнаго, святого соблюденія первоначальнаго образа, — можетъ показаться отождествленіе сомнительнымъ. Однако, г. Шаваннъ (l. c.) не сомнѣвается, что это — одно и то же лицо, причемъ думаетъ, что его постоянный атрибутъ, жаба, есть, попросту, иллюстрація къ неправильному переводу его имени (?) Хайчжанъ, раздѣленнаго на двѣ части (Лю Хай, и чжанъ — жаба).

¹ Переведена у Попова въ «Китайскомъ Пантеонѣ» по тексту Хуанъ Болу, цитирующаго неизвѣстное, къ сожалѣнію, сочиненіе Фынъ ся би тань.

² Хубилаемъ въ 1269 г. и Дарма Пал'ой между 1308 и 1312 гг. — Дата Попова, 1340 г., основана на недоразумѣніи, происшедшемъ оттого, что титулъ годовъ правленія Чжи Юань въ этой династїи встрѣчается два раза (1260—1264 и 1335—1341).

³ Цзи фу тунъ чжи не даетъ этихъ двухъ словъ.

⁴ Конструкция, допущенная Поповымъ при переводѣ этого титула и подчиняющая слова *Хунъ дао* воображаемому сложному глаголу: минъ-у, подлежитъ осужденію. Въ самомъ дѣлѣ, *хунъ* имѣетъ здѣсь самостоятельное глагольное значеніе, совершенно равносильное классическому его употребленію въ Лунь-юй'ѣ (XV, 28: 子曰。人能弘道。非道弘人。 т. е. «Конфуцій изрекъ, что человекъ можетъ расширить путь (дао), но путь не расширитъ человека». Въ этомъ примѣрѣ глагольное значеніе слова *хунъ* совершенно очевидно изъ контекста. Кроме того, Чжу Си считаетъ нужнымъ всячески это отгнать (弘。廓而大之也。....人能大其道。) Было бы, конечно, еще убѣдительнѣе, если бы это выраженіе встрѣтилось въ чисто даосскомъ контекстѣ. Какъ бы то ни было, здѣсь Дао употреблено въ даосскомъ смыслѣ и, слѣдовательно, «чжэнь цзюнь» не значить «праведный владыка», а «Истинный», ибо «чжэнь» есть эпитетъ-синонимъ самого Дао. Примѣры этого значенія «чжэнь» можно видѣть въ моей книгѣ «Китайская поэма о поэтѣ», въ указателѣ подъ этимъ словомъ.

⁵ Подъ этимъ титуломъ ему приписывается «Пѣнь о Высшемъ Истинномъ» (至真歌。海蟾帝君著), помѣщенная въ томѣ Куи, собранія Дао цзанъ-цзи яо.

⁶ Именно въ образѣ смѣющагося отрока Лю Хай попалъ въ народную поговорку: «Мынь Цзянь» (плакальщица) идетъ съ Лю Хай'емъ: рѣва со смѣшникомъ. См. Smith, Proverbs, 89.

Точно такъ же, въ біографическомъ словарѣ Джайлса (1. с.) находимъ прямое указаніе на то, что Лю Сюаньинъ, названный народомъ Лю Хай, изображается въ народѣ мальчикомъ, одна нога котораго покоится на трехлапой лягушкѣ¹ (эмблема наживанія денегъ²), а рука держитъ ленту, на которой нанизаны пять (?) золотыхъ монетъ³. Наконецъ, Хуанъ Богу, совершенно оевропеившійся китаецъ, также считаетъ изображеніе «играющаго Лю Хар'а» относящимся къ Лю Сюаньин'у, хотя въ одномъ изъ своихъ примѣчаній происхождение «игры съ золотою монетою»⁴ онъ приписываетъ извѣстному намъ анекдоту изъ жизни Лю, въ которомъ, впрочемъ, тотъ былъ лишь зрителемъ, а исполнителемъ «игры» былъ, какъ извѣстно, прохожій даосъ Чжэнъинъ-цзы. Кромѣ того, Хуанъ, какъ мы видѣли, приводитъ сказаніе, изъ котораго ясна связь Лю Хайчжан'я съ его атрибутомъ, жабой,—предметомъ его поисковъ въ земныхъ скитаніяхъ. Могу еще прибавить, что въ Пекинѣ я слышалъ длинное народное сказаніе, считающее Лю Хайчжан'я и жабу — перерожденіе его врага — двумя лицами, одинаково стремящимся къ «переводу» въ безсмертные⁵. Такимъ образомъ, у всѣхъ этихъ лицъ сомнѣній въ тождествѣ монаха-алхимика съ веселымъ юношей народныхъ изображеній не является. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сказать, что, если даже допустить, вмѣстѣ съ проф. Шаванномъ, изображеніе жабы, какъ иллюстрацію къ «непонятому» титулу ушедшаго отъ жизни министра, все же шнуръ съ деньгами, кусаемыми жабой, здѣсь, какъ будто, не при чемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что «игра» съ монетами производилась не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а заѣзжимъ гостемъ, можно спросить себя, почему же изображена лишь часть притчи, и притомъ, не главная, ибо, какъ мы знаемъ, весь смыслъ притчи заключался въ «опасной» постройкѣ изъ куриныхъ яицъ, паденіемъ своимъ производящихъ болѣшую неприятность, нежели паденіе монеты. Очевидно, параллельно литературнымъ сказаніямъ, которыя мною здѣсь собраны, существовало еще одно, откровенно соединяющее всѣ элементы народнаго изображенія въ одну общую связь. Таковымъ я отчасти считаю, на примѣръ, уже упомянутое сказаніе, записанное мною въ Пекинѣ. Дѣйствительно, если

¹ Мы видѣли, что это не есть нормальное изображеніе Лю Хар'а, который обычно представленъ, какъ бы танцующимъ, причемъ жаба въ сторонѣ ловитъ деньги.

² Это утвержденіе или вовсе невѣрно, или, во всякомъ случаѣ, основано на недостоверномъ источникѣ.

³ Это утвержденіе также основано на единичномъ примѣрѣ и на недостоверномъ источникѣ свѣдѣній.

⁴ Объ этомъ уже упоминалось. Кромѣ того, какъ мы уже видѣли, это лишь часть общаго изображенія.

⁵ Не привожу здѣсь этого сказанія *in extenso*, ибо оно дошло до меня въ одной лишь версіи, которая представляется мнѣ слишкомъ запутанной, чтобы можно было логически свести концы съ концами.

Рис. 8.

мы не будем обращать внимание на путаницу в перерождении действующих лиц, центральный момент сказания гласит следующее: «Тогда онъ (Люй Дунбинь) снялъ свой поясъ (монаха), навязалъ на него золотую денюгу и опустилъ въ колодець (гдѣ сидѣла жаба — врагъ Лю Хайчжан'я, переродившійся въ это животное ради нанесенія ему вреда), заставивъ Лю Хайчжан'я удить жабу на эту приманку. Жаба, которая въ предыдущемъ своемъ рожденіи была ненормальнымъ любостыжателемъ, на эту приманку моментально пошла, и, такимъ образомъ, Лю Хайчжанъ вытащилъ ее изъ колодца»¹... Въ этомъ сказаніи, какъ видно, всѣ элементы изображенія соединены въ связный моментъ².

¹ Окончаніе легенды заключается въ томъ, что Люй разрѣшаетъ ихъ вражду и обоихъ «переводитъ» въ безсмертные.

² Въ Пекинѣ же мною записана еще одна легенда о Лю Хар'ѣ, которую я считаю менѣе искусною по сплетенію действующаго лица съ жабоу-чжань. Она гласитъ слѣдующее.

Лю Хай, время жизни котораго неизвѣстно, былъ дровосѣкъ. Отличался высшею сыновнею почитательностью и любовью къ своей матери. Однажды, возвращаясь изъ лѣсу домой по глубокому ущелью, онъ увидѣлъ, что на большомъ камнѣ сидитъ какая-то дѣва и горько плачетъ. Лю спросилъ, въ чемъ дѣло, и понялъ изъ отвѣта, что вся ее семья погибла и что она осталась безъ пристанища. Лю привелъ ее къ себѣ домой. Она оказалась очень усердной работницей и понравилась старухѣ до того, что та однажды сказала ей: «Послушай, если у тебя и впрямь никого нѣтъ изъ родныхъ, и если ты не брезгуешь нашей бѣдностью, то почему бы тебѣ не войти къ намъ въ домъ окончательно, какъ женѣ моего сына?» Дѣва сказала, что для этого-де она сюда и пришла. Старуха обрадовалась. Выбрали счастливый день и справили свадьбу. Молодые зажили очень счастливо, но Лю все продолжалъ рубить дрова. Однажды, забравшись глубоко въ горы, онъ услышалъ, что какъ будто его окликаютъ, называя его имя и фамилію. Это повторилось трижды, но никого не было видно. Внимательно прислушавшись, онъ убѣдился, что звуки исходятъ изъ одного камня. Напуганный до смерти, Лю спросилъ, что все это значитъ. Камень сказалъ: «Ты не пугайся, а лучше послушай моихъ добрыхъ словъ. Твоя молодая жена — не человекъ, а обольстительница - лиса, и пришла она къ тебѣ не съ добрымъ помысломъ. Ей, видишь ли, хочется, истощивъ тебя, сокомъ твоимъ добавить себѣ жизни (оживотворить свою тѣнь), такъ что, если въ одинъ прекрасный день твое мужское, солнечное начало истощится, то и жизни твоей сейчасъ же придетъ конецъ». Лю сильно испугался и просилъ говорящій камень помочь горю. Камень сказалъ: «Ничего. Только вотъ что: сегодня вечеромъ ты будь съ ней попрежнему и ни въ чемъ не выказывай своей тревоги. Притворись спящимъ, но жди и не спи до полуночи. Когда она вынетъ изъ своего рта красный шарикъ — а это, вѣдь, ее лисій талисманъ (狐丹) и путь къ безсмертію! — и положить его тебѣ въ ротъ, ты сейчасъ же его проглоти. Безъ этого шарика она сейчасъ же умретъ, а тебѣ ничего не будетъ». Лю такъ и сдѣлалъ. Когда онъ проглотилъ шарикъ, лиса перепугалась и, плача, сказала: «Моей жизни пришелъ конецъ. Но кто же научилъ тебя?» Лю рассказалъ. Лиса сказала: «Я обольстила немало людей, но такого прямого и честнаго, какъ ты, еще не видѣла, и за то, что я тебя, такого хорошаго человека, обманула, подѣломъ мнѣ небесная кара! Однако, этотъ камень тоже не изъ искренней любви къ тебѣ погубилъ меня. Онъ, видишь ли, безъ этого шарика, который ты сейчасъ проглотилъ, тоже не можетъ взлетѣть на небеса. Онъ, вотъ, и научилъ тебя сначала съѣсть его у меня, а потомъ онъ, конечно, и тебя съѣстъ пѣликомъ. Счастье твое, что ты стоялъ тогда за его спиной. Будь остороженъ: иначе — не уйдешь живымъ. Въ слѣдующій разъ возьми большой топоръ и разруби его сзади. Когда голова упадетъ, ты найдешь веревку. Сейчасъ же ее вытяни, и на концѣ найдешь трехлапую жабу-чжань. Это и есть его шарикъ спасенія (内丹). Когда завладѣешь ты этимъ сокровищемъ, встань ей на спину, и сейчасъ же начнешь возноситься въ небеса. Ненужную уже тебѣ веревку оставь матери. Когда у нея

Охотно допускаю, что это сдѣлано ad hoc закулиснымъ маневромъ сочинителей легендъ, которыхъ много вездѣ, а тѣмъ болѣе въ Китаѣ, гдѣ самый грубый элементъ народа, все же, не чуждъ литературной пищи¹ и, такимъ образомъ, такъ или иначе привлекается къ пониманію загадочныхъ исторій и даже, можетъ-быть, къ ихъ дальнѣйшему созиданію. Однако, это сказаніе—единственное, объясняющее «игру» Лю Хар'а. Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ окончательно, нужно привлечь къ изслѣдованію цѣлую галерею изображеній Лю Хар'а въ исторической системѣ, что,—по крайней мѣрѣ, для настоящаго момента и при настоящихъ условіяхъ работы китаиста,—совершенно невыполнимо.

Считая необходимымъ сдѣлать всѣ эти предпосылки, заканчиваю главы о Люхар'ѣ (растянувшіяся, быть можетъ, болѣе, нежели то требовалось бы пропорціей отношенія Лю Хар'а къ общему содержанію статьи) слѣдующимъ положеніемъ, имѣющимъ къ дѣлу непосредственное отношеніе.

Какъ бы ни запутана была связь Лю Хайчжан'я съ жабой и монетами на шнурѣ, намъ важно установить причину, по которой онъ является въ свитѣ бога денегъ (Цай Шэн'я) и вмѣстѣ съ божественными двойниками Хэ-Хэ источаешь драгоценности, забрасывая ими домъ счастливаго обладателя копеечной картинки. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ жизнеописаніи Лю Хайчжан'я, излагаемомъ серьезными географическими сочиненіями, ни въ даосскомъ канонѣ, ни, наконецъ, въ сводящей концы съ концами легендѣ, мы не видимъ никакого намека на его будущія божественныя обязанности деньгоносца и деньгодателя. Остается допустить, въ видѣ гипотезы, оправдываемой всей исторіей народныхъ символовъ², что народная жадная фантазія устремила все свое вниманіе исключительно на то, что Лю Харъ изображенъ съ деньгами и, слѣдовательно, является ихъ вѣчнымъ обладателемъ, а затѣмъ и щедрымъ подателемъ своего неизбывнаго богатства полуголодному созерцателю «счастливой картинки».

Такимъ образомъ, я думаю, что сюжетъ народной картины сначала заимствованъ изъ какого-то вдумчиваго художественнаго изображенія, представлявшаго, напримѣръ, Лю Хайчжан'я обновленнымъ существомъ, съ бла-

выйдутъ всѣ деньги, стоитъ будетъ ей потянуть за конецъ веревки и потрясти ее, какъ сейчасъ же посыплются золотыя монеты... Цѣлую жизнь не проѣсть ей ихъ!» — Съ этими словами лиса умерла. Лю, тронутый ея вниманіемъ, пышно ее похоронилъ. Дѣйствительно, онъ выгачилъ жабу-чжань, — такъ, какъ она ему рассказала, — съѣлъ на нее верхомъ и улетѣлъ въ небо.

¹ Я разумѣю извѣстныхъ пошуды — рассказчиковъ для народа въ чайныхъ и ресторанахъ, берущихъ свои сюжеты изъ литературно-историческаго матеріала и излагающихъ ихъ въ особомъ ритмическомъ стилѣ, который требуетъ большого мастерства.

² Такова, напримѣръ, исторія изображеній боговъ-покровителей ремеселъ, которые являются таковыми благодаря какому-нибудь совершенно незначительному признаку въ легендѣ о нихъ.

Рис. 9.

женной улыбкой юродиваго ¹, которому снится «опасная» гряда яиц на монетѣ и взоръ котораго устремленъ въ высь, гдѣ (вѣроятно, въ символической дымкѣ) парить трехлапая жаба, древній символъ его новой жизни, давшій ему также и новое имя (Хайчжань-цзы). Затѣмъ, перспективы картины грубѣли и упрощались. Кромѣ того, фигура безсмертнаго соединила деньги и жабу въ «играющее» движеніе подъ давленіемъ новой, уже чисто народной версiи, замѣнившей скучное описаніе подвиговъ алхимика анекдотомъ, на которомъ построены особенности его жизни. Когда же изображеніе достигло деревянныхъ клише, заготавливаемыхъ для многихъ тысячъ новогоднихъ «счастливыхъ» картинъ, то весь центръ вниманія, прежде всего, былъ сосредоточенъ на монетахъ, которыми воспользовались для написанія на нихъ «счастливыхъ» словъ ² и которыя изъ нѣсколькихъ штукъ ³ (правда — золотыхъ!) превратились въ тяжелыя связки мѣдныхъ монетъ, ношу, подъ силу развѣ только небожителю, для котораго не существуетъ законовъ тяжести. Въ цѣляхъ благовѣщанія и благожеланія была использована и загадочная жаба, изо рта которой, какъ мы видѣли, рука мастера извлекаетъ тучу богатствъ, летящихъ дождемъ въ колоссальныя корзины, поставленныя на дворѣ счастливца.

Остается еще вопросъ объ имени Лю Хайчжан'я. Въ самомъ дѣлѣ, если извѣстный народной картинѣ, пѣснѣ, пословицѣ Лю Харь есть алхимикъ Лю Хайчжань, призванный къ новой жизни притчей о грудѣ яицъ среди монетъ, то почему же онъ называется просто Лю Хай (-рь), безъ послѣдняго слова «чжань», играющаго столь существенную роль? На этотъ вопросъ проф. Шаваннъ отвѣчаетъ предположеніемъ, что народное искусство внесло синтактическую реформу въ слова Хайчжань, появивъ ихъ, какъ «*Liu Hai et (son) srapaud*». Никакими примѣрами нельзя поддержать такое предположеніе, не говоря уже о ненародности подобной конструкціи. Затрудненіе сильно осложняется еще тѣмъ, что въ описаніи департамента Фынтянь (фу) ⁴ сообщается слѣдующее весьма важное свѣдѣніе: «Ган'скій Лю Хай, по старымъ преданіямъ, вызывалъ крикомъ жабу-чжань изъ колодца, что въ СЗ. углу уѣзднаго района (управленіе котораго находится въ Фывьянь-фу). Теперь этотъ колодецъ находится въ самомъ городѣ. Онъ залитъ водой, но лѣтомъ не слышно кваканья». Выходитъ, что Лю Хай, какъ будто, вовсе не искалѣченное имя Лю Хайчжан'я, а идущее изъ еще болѣе стараго преданія подлинное имя Лю Хай'я. Однако, въ виду единич-

¹ См. переведенное выше жизнеописаніе Лю Цао.

² Такова, на примѣръ, часто встрѣчающаяся на этихъ монетахъ надпись: «Мѣсяць за мѣсяцемъ развивай богатства» 月月發財。

³ Каковыхъ, повторяю, у Джайлса почему-то показано только пять.

⁴ Цитую по Ту шу цзи чэн'у (IV. 18. 251. 28. 303 v.).

ности этого сообщенія, а также въ виду его краткости и безсодержательности, сосредоточиться на немъ нельзя. Можетъ-быть, здѣсь произошло соединеніе двухъ похожихъ именъ, а, слѣдовательно, и разказовъ, съ ними связанныхъ,—въ одно. Но еще вѣроятнѣе, что имя Лю Хай, дѣйствительно, получило изъ Лю-Хайчжан'я путемъ отбрасыванія послѣдняго слова, по аналогіи съ именемъ Чжунли Цюан'я, извѣстнаго болѣе, какъ Хань'скій Чжунли (безъ Цюань)¹, и прибавленія уменьшительно-ласкательной частицы *p* (соотвѣтствующей американскому произношенію неназализованнаго африката *p*-ж). Возможно (несмотря на разницу тоновъ) сближеніе хай⁽³⁾— море съ хай⁽²⁾—ребенокъ, создавшее имени особую популярность. Вопросъ объ имени, въ этой своей стадіи, не ясенъ.

VII.

Лю Харъ и Хэ-Хэ. Хэ-Хэ въ «трехъ культахъ». Заключение.

Какъ бы то ни было, Лю Хайчжанъ, министръ, даосъ, подвижникъ, ищущій пилюли безсмертія, безсмертный небожитель, благодаря шнуру съ монетами попавшій въ свиту богатаго бога (Цай Шэн'я), имѣлъ изображеніе блаженно-юродиваго безсмертнаго. Его спутники по волшебному дару сыпать въ домъ людей деньгами и драгоценностями, божественные двойники Хэ-Хэ, заимствовали отъ него распущенные волосы, блаженный взглядъ, листву у чреслъ², разверстое одѣяніе, отвислыя груди и чрево, босыя ноги³ и, наконецъ, самое названіе свое: безсмертные (Хэ-Хэ эр сянъ). Дѣйствительно, первую мысль художника, стоявшаго передъ задачей изображенія оживленныхъ ребусовъ: $\frac{\text{коробка} + \text{лотосъ}}{\text{согласіе} + \text{единеніе}}$, было дать имъ видъ даосскихъ, всегда считавшихся туземнымъ достояніемъ безсмертныхъ — сян'ей. Когда же свита богатаго бога включила въ себя и ихъ и Лю Хар'а, послѣдній сообщилъ имъ свой видъ, постепенно сливаясь съ ними въ триаду и, наконецъ, становясь,—какъ мы уже видѣли,—однимъ изъ ихъ, казалось бы, неразрывной пары.

Ставъ безсмертными, занявъ мѣсто въ даосскомъ пантеонѣ и войдя въ народный культъ рабочихъ и купцовъ, которые въ нихъ видятъ санкцію коммуны и сплоченной сильной организаціи, Хэ-Хэ очутились въ обычномъ

¹ Искаженію подверглось имя (титулъ) безсмертнаго Ли Тѣгуай, превращенное въ Цюегуар Ли, т. е. Хромой костыль Ли (согласно легендѣ о немъ). Нараченію подверглось имя безсмертнаго Чжанъ Го, превращенное въ Чжанъ Голао, и т. д. Однако, синтаксическое (предполагаемое проф. Шаванномъ) осознаніе Хайчжанъ неправдоподобно.

² Или же подъ шеей,—что встрѣчаемъ въ изображеніяхъ, напр., безсмертнаго Чжунли Цюан'я.

³ Иногда одинъ босой, а другой босой, въ чемъ также можно видѣть замѣщеніе Лю Хар'омъ одного изъ пары.

соревнованіи такъ называемыхъ трехъ ученій (религій), и неудивительно, что фантазія постаралась сопричестъ ихъ и къ лику антропоморфнаго конфуціанства, и къ лону буддизма. Два сян'я становятся двумя шэн'ами¹ (совершенными), и къ нимъ прилагается сказаніе о двухъ знаменитыхъ въ конфуціанскомъ литературномъ преданіи братьяхъ Бо И и Шу Ци, проклявшихъ основателя династіи Чжоу за узурпаторство (XII в. до Р. Хр.) и уморившихъ себя голодомъ въ бору. Какъ далека эта идейная принципіальность и безкорыстность отъ грубой пошлости слѣдующихъ строчъ (рис. 7):

«Метуть метлой, метуть — и рождаютъ деньги...

Лю Харъ играетъ золотою жабой...

Бо И и Шу Ци, —

Подносятъ драгоценности, (эти) двѣ безсмертныхъ особы!»

掃箒掃生錢。劉海戲金蟾。白夷共叔齊。獻寶二位仙。

Когда же дошла очередь до принятія двойниковъ въ буддійское лоно, то дѣло это было рѣшено императорскимъ указомъ, пожаловавшимъ въ 1733 г. двумъ танскимъ монахамъ: Ханьшань-цзы и Шидэ-цзы титулы Хэ (1) шэнъ и Хэ (2) шэнъ². Оба эти монаха жили въ IX вѣкѣ по Р. Хр., не имѣли ни духовнаго имени, ни фамилій³, были соединены неразрывною дружбой, оба играли юродивыхъ⁴ и презирали грѣшный міръ⁵, спа-

¹ Хэ-Хэ эр шэнъ 和合二聖 (неграмотно еще: ||| 盛). Въ этой формулѣ двойники помѣчены у Грубе, стр. 54. Известно, что конфуціанство считаетъ шэн'ами (собственно, совершенно-мудрыми и, потому, абсолютно непогрѣшимыми) тѣхъ, кого самъ Конфуцій считалъ шэн'ами (Чжоу-гунъ, Яо, Шунь), а затѣмъ и его самого. Шэн'ы известны и даосскому преданію ничуть не менѣе, чѣмъ конфуціанскому, хотя все еще въ строгомъ смыслѣ совершенной личности. Однако, есть тексты, свидѣтельствующіе о совмѣщеніи и смѣшеніи свойствъ духа (шэнъ), безсмертнаго (сянь) и совершеннаго (шэнъ) (列子。黃帝姑射山有神人仙聖。爲之臣不畏不怒...). Такимъ образомъ, переходъ отъ сян'я къ шэн'у вовсе ужъ не такъ рѣзокъ, какъ это казалось бы.

² Полный титулъ перваго (Ханьшань-цзы), по свѣдѣніямъ «Тянь тай шань фанъ вай чжи яо», былъ: Мяо Цзѣ Пу Ду Хэ (1) Шэнъ Да Ши 妙覺普度和聖大士, т. е. «Чудесно Прозрѣвшій, Всѣхъ Переводящій (Спасяющій), въ Согласіи Совершенный, Великій Мужъ». Другому Хэ - монаху тотъ же императоръ (Юнь Чжэнь) жалуетъ параллельный титулъ: Юань Цзѣ Цы Ду Хэ (2) Шэнъ Да Ши 圓覺慈度合聖大士, т. е. «Округло (=Всецѣло) Прозрѣвшій, Милосердно Переводящій (Спасяющій), въ Единеніи Совершенный, Великій Мужъ».

³ Ханьшань-цзы значитъ «человѣкъ съ Холодной Горы», — названіе одного изъ уте-совъ. Шидэ-цзы значитъ «подобранный». Онъ, по преданію, былъ подобранъ возлѣ монастыря еще маленькимъ ребенкомъ.

⁴ Ихъ біографіи съ большою охотой останавливаются на ихъ странностяхъ, въ родѣ того, какъ Ханьшань-цзы, избитый за брань и насмѣшку по адресу монаховъ, только хохоталъ, или — какъ Шидэ-цзы вздумалъ ѣсть, усѣвшись противъ статуи Будды.

⁵ Біографы рассказываютъ, какъ они спасались отъ пытавшагося видѣть ихъ губернатора, не желая имѣть даже соприкосновенія съ мірскою славой. Однако, этому ихъ почитателю удалось собрать и издать разбросанные повсюду (на корѣ деревьевъ, на камняхъ) ихъ

Рис. 10.

саясь въ недоступныхъ разсѣлинахъ скаль, въ горахъ Тяньтай, что близъ Нинбо.

Почему къ этимъ двумъ праведникамъ (ихъ при жизни еще называли двумя бодисатвами) былъ примѣненъ образъ и культъ двойниковъ, остается неизвѣстнымъ. Однако, указъ китайскаго императора не былъ актомъ случайной прихоти. Въ самомъ дѣлѣ, начиная уже съ XII вѣка, изображенія Тяньтай'скихъ монаховъ, большею частью парныя, становятся весьма частымъ сюжетомъ китайской живописи¹, причѣмъ ихъ лица, растянутыя въ блаженную улыбку, приближаются къ полному сходству, ихъ фигуры и одѣянiя ассимилируются, и, вообще, принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы придать имъ характеръ фигурнаго ассонанса, ближайшимъ образомъ напоминающаго ассонансъ-ребусъ Хэ-Хэ. Такимъ образомъ, императорскій указъ лишь закрѣпилъ за ними невольно напрашивающееся сближенiе. Однако, была ли у обоихъ явленiй общая подпочва, опредѣленно сказать нѣтъ возможности.

Изображаются они, какъ двойники², въ видѣ полуголыхъ людей съ растрепанными волосами и блаженнымъ взглядомъ, то обутые оба, то — одинъ босой, а другой въ сандаляхъ, съ атрибутами, продиктованными художнику ихъ биографическими данными, т. е. съ метлою, со сверткомъ бумаги для стпховъ, писчею кистью и пр. Надъ картиной, воспроизведенной въ китайскомъ журналѣ Шэнь чжоу го гуанъ цзи (1. с.), художникъ написалъ въ ихъ честь слѣдующiе «медіумическіе»³ стихи:

«Ха - хха - хха!

Мы если радостны лицомъ, — мало досады и гнѣва.

Мирскую досаду-гнѣвъ измѣнили на радостное лицо.

стихи, имѣющіе большею частью видъ религіозныхъ гимновъ и молитвъ. Ихъ сочиненія собраны подъ названіемъ 三隱詩 Сань инь ши. См. Cougant, Bibl. Sin. I, № 318. Рукопись имѣется въ Аз. Муз., Колл. Дмитр. 393. См. также Цюань тань ши, т. XII.

¹ Объяснить этотъ успѣхъ можно, пожалуй, свободою композиціи, предоставляющей художнику полный просторъ для его «внѣгранной» мысли, и, вообще, тѣмъ же, чѣмъ объясняется огромная популярность и другихъ такихъ же темъ, какъ, напримѣръ, тема «Монаха съ холщевымъ мѣшкомъ» («большебрюхаго Милэ-Майтреи»), «Звѣзды Долговѣчности» (Лао Шоу Сицъ), которыя позволяютъ художнику доводить свою экстравагантность до какого угодно предѣла.

² Напримѣръ, на многочисленныхъ картинахъ, принадлежащихъ корифеямъ китайской и японской живописи, каковы, между прочимъ, Янь Хуй 顏輝 («the great inventor of hermit subjects», по опредѣленію критика въ Кокка, № 249, стр. 253), Shōkei 松谿, Kōrin 光琳 и др., и воспроизводимыхъ на страницахъ только-что упомянутаго японскаго художественнаго журнала. Двойники представлены или въ группѣ, или же порознь, но тогда уже въ парной композиціи (дуй-цзы).

³ Плодъ спиритическаго сеанса въ честь этихъ двухъ монаховъ. Неизвѣстно, однако, самъ ли художникъ присутствовалъ при сеансѣ, списать ли эти бездарные вирши съ какого-нибудь «сுவѣщательнаго къ благу» листка (Цюань шань вэнь), или же это — его собственное творчество.

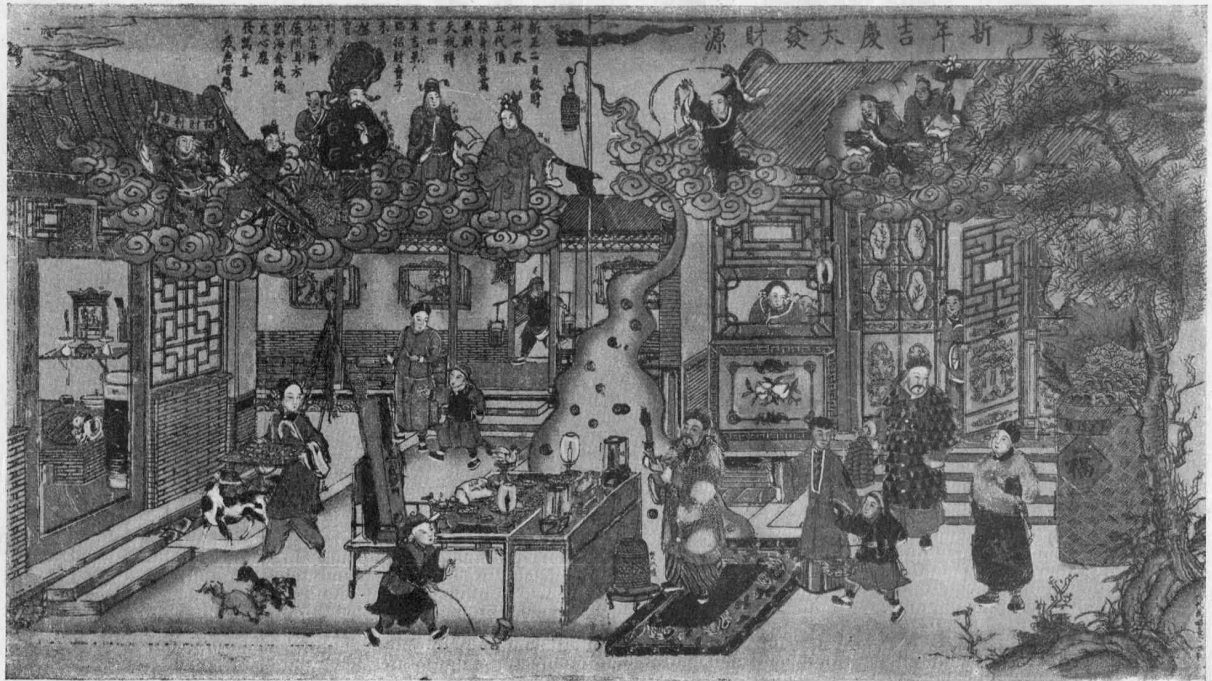

Рис. 11.

Будешь челоуѣкомъ съ досадою-гнѣвомъ — нѣтъ никакого спасенія:
Великое Дао, опять же, родится среди радости-любви.
Страна коль сможетъ радоваться-любить — государь и подданный единятся,
Радость-любовь въ самомъ домѣ — отецъ и сынъ слились.
«Руки-ноги»¹ въ частой радости — «колючій терновникъ»² цвѣтетъ.
Мужъ и жена могутъ любить — «цитра - лютя»³ отлична.
Хозяинъ и гость — гдѣ бываетъ, чтобы могли лишиться пріязни?
Высокій и низкій, — чувствомъ пріятели, различіе имѣють тѣмъ строже.

Ха - хха - хха!»

寒山拾得二聖降乩詩曰。呵呵呵。我若歡顏
少煩惱。世間煩惱變歡顏。爲人煩惱終無濟。大
道還生歡喜間。國能歡喜君臣合。歡喜庭中父
子聯。手足多歡荆樹茂。夫妻能喜琴瑟賢。主賓
何在堪無喜。上下情歡分愈嚴。呵呵呵。

Приспособивъ, такимъ образомъ, двойниковъ Хэ-Хэ ко всѣмъ «тремъ религіямъ», какъ же разсуждаетъ народная легенда объ ихъ происхожденіи?

Легенда, извѣстная источникамъ, которыми пользовался Хуанъ Боу, говорить не о двухъ, а объ одномъ духѣ «Согласія-Единенія», который въ земномъ своемъ ликѣ называется Чжанъ и жилъ въ VII вѣкѣ. Онъ проявлялъ непомѣрную тупость ума, но могъ въ одинъ день промчатся къ брату черезъ тысячи верстъ⁴ и назывался, поэтому, «Братомъ, вернувшимся изъ-за тысячъ верстъ»⁵. Какъ бы ни утверждали источники, сообщающіе объ этой легендѣ, что этотъ тупоумный скороходъ и есть «духъ Единенія-Согласія», мнѣ кажется, считается съ нею не стоитъ, какъ съ вялою традиціей, ничего не объясняющей и ничѣмъ не поддержанной. Гораздо больше въ этомъ послѣднемъ, желательномъ направленіи даетъ записанная мною въ Пекинѣ слѣдующая легенда. Это были братья отъ разныхъ отцовъ⁶, которые вели вмѣстѣ торговое дѣло, наживая огромныя богатства. Потомъ одинъ присвоилъ себѣ все богатство другого, и началась жестокая вражда, не угихавшая до седьмого ихъ перерожденія, когда нѣкій небожитель сошелъ на землю и не только помирилъ ихъ, но и «перевелъ» въ бессмертные духи «Единенія-Согласія».

¹ Образно; вм.: братья.

² — у братьевъ Тянь, захирѣвшій было, когда они, въ раздорѣ, захотѣли раздѣлиться.

³ Образно: ладъ мужа съ женой.

⁴ Въ этой своей части легенда напоминаетъ другую, отмѣченную у того же автора, о перерожденіи Лю Хайчжан'я въ работника, также промчавшагося въ одинъ вечеръ черезъ тысячи верстъ.

⁵ Весьма и весьма странный синтаксисъ выраженія Ванъ хуй гэ гэ.

⁶ Близичность Хэ-Хэ, такимъ образомъ, не только не подсказывается, но явно опровергается народомъ же.

20*

Рис. 12.

Какъ видно изъ всего предыдущаго, народная легенда не въ состояніи логически справиться съ образомъ ребусовъ-двойниковъ. Всѣ ея метанія отъ одного объясненія и отъ одного культа къ другому, — жалкія попытки къ проясненному сознанию. Остается, значитъ, предположить, что эти живые ребусы были водворены въ безсмертные, благодаря особой легендарной подпочвѣ, которую я вижу въ ихъ сосѣдствѣ по свитѣ богатаго бога съ Луннымъ Лю (Лю Хар'омъ). Для оправданія широкаго размаха обобщеній, диктуемыхъ статьей Л. Я. Штернберга и дѣлающихъ ихъ близнечными божествами по типу (или заимствованію?) арійскихъ и другихъ народовъ, у китаиста нѣтъ никакихъ основаній¹.

¹ Возможно, однако, что ближайшая къ Цай-шэн'ю пара двойниковъ, несущихъ свитки съ надписями: «Привлекающій богатство отрокъ» и «Обогащающій торговлю небожительно-чиновникъ», о которыхъ я не нашелъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній, дастъ новые пути къ сближенію китайской группы боговъ-благодѣтелей съ аналогичными группами, извѣстными изъ искусства другихъ народовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Подробное описание рисунковъ къ предыдущей статьѣ.

Рисунокъ 1 (картина № 1302, коллекція автора). — Жирный малютка, гиперболически¹ изображенный въ видѣ круглаго куска мяса съ головою и съ руками, держитъ въ рукахъ мѣшокъ со слиткомъ серебра въ характерной для послѣдняго формѣ². Лицо его, съ подкрашенными губами и «мушками», расплылось въ привѣтливую улыбку³. Онъ причесанъ парюю буклей, какъ то водится въ Китаѣ, и одѣтъ въ яркій халатъ. Надъ нимъ надпись: «И туань хэ ци» (см. соотв. мѣсто въ статьѣ), заключенная въ фигурную рамку изъ листьевъ и цвѣтовъ (вѣроятно, пионовъ, — символовъ богатства и знатности). Два знака по бокамъ: Хэ-Шунь 和順, конечно, — названіе фирмы, печатавшей картину⁴.

Рисунокъ 2 (картина № 127, коллекція автора). — Двойники-малютки со своими нормальными атрибутами: коробкой съ перлами и лотосомъ (см. статью), а также съ другими, исключительно благовѣщими: летучею мышью (фу 蝠), знакомъ шоу 壽 («долговѣчность»), дающими намекъ (ребусъ) на фразы благожеланій: Фушоу шуань цюань⁵ 福壽雙全 — «Счастья и долговѣчности — того и другого

¹ Вотъ какъ описываетъ это намѣреніе художника китайскій «сянь-шэнъ», которому я поручилъ дать подробное описаніе картины съ его точки зрѣнія: «Нарочно нарисованъ округлый человѣкъ и уподобленъ «округлой» полнотѣ ладнаго духа. Это есть заимствованіе формы для сообщенія мысли (духа). 然以故畫一團人。而比和氣之團聚也。此借形以喻氣耳。

² Описывавшій картину «сянь-шэнъ» видитъ въ этомъ символическое благожеланіе: «Дорогое родится изъ сердца» 寶從心生. Едва ли это не сочинено ad hoc.

³ 和靄之容 «Хэ-ай чжи жунъ», по терминологіи китайца.

⁴ Китаецъ и тутъ видитъ «счастливыя слова»: 和順積中 «Ладъ (Хэ) и удача да накопятся у васъ въ домѣ!» Caveant sinologi!

⁵ Послѣднія два слова въ этомъ случаѣ только подразумеваются, на основаніи ходячихъ благожеланій - пословиць.

полностью!», Фушоу *хэ-хэ* 福壽和合 — «Счастья и долговѣчности, лада и единенія!»¹ и т. д. На этой картинѣ нѣтъ красныхъ и, вообще, яркихъ красокъ (за исключеніемъ окраски губъ и легкаго румянца на щекахъ). Такія картины предназначаются для семей, носящихъ трауръ². Издано фирмою 積德成 Цзидэчэнъ.

Рисунокъ 3 (картины №№ 107 и 501, коллекція автора). — Малютка, въ своей оригинальной прическѣ пучками-оазисами среди пробритаго лба, одѣтый въ яркую одежду, съ голыми руками и ногами въ браслетахъ³, изображаетъ Лю-Хар'а, т. е. тянетъ къ себѣ шнуръ съ мѣдными деньгами и кистями на концѣ. За послѣднюю деньгу уцѣпилась ртомъ трехлапая жаба, взбирающаяся на фигурный камень. Слева отъ малютки — тазъ, въ которомъ «горы яшмъ» и перлы, сіяющіе пламенными языками (火珠珊瑚). Справа — имитация древняго треножнаго котла съ пышными (неуклюже нарисованными) цвѣтами. Смысль картины: желаю (себѣ, купившему) такого богатства и такого сына — Лю Хар'а (бога богатства). Надпись: Си цзинь чжань 戲金蟾 «Играетъ (съ) золотою жабой».

Рисунокъ 4 (картина № 1070, коллекція автора). — Изукрашенный орнаментомъ листокъ популярнаго календаря, озаглавленный: Хуа Инъ Лю Хай юэфынъ пай — «Китайско-англійскій (sic!) календарь съ Лю Хар'омъ» на 35-й (несуществовавшей!) годъ правленія Гуанъ-суй, династїи Дай Цинъ (это — первый годъ правленія Сюанъ-тунъ, 1909 годъ). Лю Харъ, съ разверстыми жирными грудями и животомъ, держитъ надъ собой въ невѣроятномъ положенїи шнуръ съ деньгами, который стремится ухватить являющаяся откуда-то, изъ облачнаго пространства, жаба съ третьей лапой, изображенной, однако, въ видѣ длиннаго хвоста. Двойники Хэ-Хэ, съ тѣмъ же лицомъ и въ томъ же полуодѣяніи, держатъ свои атрибуты (коробку и лотосъ). Изъ коробки, въ дымкѣ, вылетаетъ нетопырь *фу* (= счастье, *фу*). Надъ головой Лю Хар'а какимъ-то чудомъ держится горшокъ съ цвѣткомъ Ванъ нянь цинъ («вѣчно зеленѣющей»), что создаетъ двойное благожеланіе: льстивое для династїи, т. е. «Вѣчная Цинъ»⁴, и для себя, т. е. «вѣчнаго благоденствїя!» (萬年慶) На горшкѣ написано: Ванъ нянь жу и⁵, т. е. «Вѣчно по желанію (моему, твоему)!». Остальные пункты описанія картины см. въ статьѣ. Печатано въ Шанхаѣ (上洋), фирмой Цзюхэ (久和齋).

Рисунокъ 5 (картина № 49, коллекція автора). — Трое малютокъ, изображающихъ Лю Хар'а и двойниковъ Хэ-Хэ. Одинъ сидитъ на трехлапой жабѣ, кусающей кисти шнура съ деньгами, за который ее тянетъ къ себѣ другой. Третій дѣлаетъ

¹ Эта формула надписана на картинѣ.

² По объясненію китайца: 素畫。不用紅色渲染。以備有孝服人家之用。

³ Богатое дитя.

⁴ Знаки: 清 и 青 читаются одинаково цинъ.

⁵ Ребусъ, значить, использованъ лишь частично.

танцевальное движение (на самомъ дѣлѣ — движение усилія) Лю Хар'а, но въ рукѣ держитъ одинъ изъ атрибутовъ двойниковъ Хэ-Хэ — полуоткрытую коробку съ перлами. Такимъ образомъ, роли и атрибуты смѣшаны. Справа отъ зрителя — «древняя» ваза, въ которой виденъ лукъ (弓 гунь) и сорванная (折 чжэ) вѣтвь коричнеаго дерева (桂 гуй), что, вмѣстѣ съ жабой-чжань, читается, какъ ребусъ:

蟾 чжань (жаба) + $\begin{cases} \text{弓 гунь (лукъ)} \\ \text{宮 гунь (дворецъ)} \end{cases}$ + 折 чжэ (сломанная) + 桂 гуй (коричневая вѣтвь) = Чжань гунь чжэ гуй¹: «Въ жабьемъ дворцѣ (т. е. на лунѣ) сорви коричневую вѣтвь!», т. е., имѣй успѣхъ на литературномъ экзаменѣ. Подробности объ этомъ выраженіи и рисунокъ, его иллюстрирующій, см. въ моемъ «Описаніи китайскихъ монетовидныхъ амулетовъ», № 58 и рис. № 79.

Рисунокъ 6 (картина № 128, коллекція автора). Малютки въ богатомъ нарядѣ, съ фигурнымъ обручемъ на головѣ, изображаютъ двойниковъ, но съ атрибутами Лю Хар'а. Одинъ держитъ жабу-чжань за фантастическую третью лапу, а другой тянетъ ее за шнуръ съ деньгами. Надпись наверху (дурная имитация древняго шрифта): 金蟬 (ошибочно вм. 蟾) 劉海 Цзинь чжань Лю Хай, т. е. «Съ золотою жабою Лю Харь». Печатано въ лавкѣ Цзидэчэнь (см. рис. 2).

Рисунокъ 7 (картина № 691, коллекція автора). Четверо малютокъ, изображающихъ Хэ-Хэ, Лю Хар'а и еще одного двойника, — въ общемъ, двѣ пары двойниковъ. Лю Харь (справа) съ разверстымъ чревомъ и грудями, въ листовномъ (первомъ) одѣяніи у чреслъ, «играетъ» шнуромъ съ деньгами. За послѣднюю деньгу уцѣпилась ртомъ трехлапая жаба, источающая языки пламени и летящая въ воздухѣ. За нимъ слѣдуетъ третій, добавочный двойникъ Хэ-Хэ, съ метлой для сгребанія въ кучу драгоцѣнностей, валящихся съ неба на полъ (т. е. въ домъ счастливица). Въ рукахъ у него, кромѣ метлы, еще мѣдная деньга.

Слѣва — пара двойниковъ Хэ-Хэ, изъ которыхъ одинъ дѣлаетъ танцевальное движение Лю Хар'а, а другой держитъ въ рукѣ лотосъ (первый атрибутъ), источающій дымку. Въ послѣдней летитъ коробъ съ драгоцѣнностями (второй атрибутъ), который, въ свою очередь, выпускаетъ дымку съ дракономъ, составленнымъ изъ монетъ (цянъ лунь). Подъ дымкою, въ пространствѣ, несется «драгоцѣнный конь» (бао-ма). По полу разсыпаны всевозможныя драгоцѣнности, среди которыхъ огромная монета со специальною надписью: Юе юе фа цай 月月發財 «Каждый мѣсяць богатѣть (мнѣ)!» На картинѣ надпись: Хэ-Хэ сянь бао 合 (вмѣсто 和) 合 献 (вм. 獻) 寶 — «Хэ и Хэ приносятъ (намъ, мнѣ, тебѣ) дары» (въ смыслѣ благопожеланія). Текстъ дальнѣйшихъ виршей о Бо И и Шу Ци см. въ статьѣ.

Рисунокъ 8 (картина № 468, коллекція автора). «На второй день Новаго Года Духъ Богатства стучитъ въ (мои) ворота» (初二財神叩門), какъ

¹ Эти знаки въ совершенно правильномъ написаніи (что далеко не всегда случается) стоятъ въ верху описываемой картины.

гласить надпись на картинѣ. Хозяинъ дома, въ манджурскомъ чиновничьемъ одѣяніи и соболяхъ, выходитъ навстрѣчу Духу Богатства и Духу, Увеличивающему Богатства, одѣтымъ въ древнее одѣяніе высшихъ сановниковъ и несущимъ хозяину дома дары: слитокъ серебра («ямбъ», юань бао) и ямбъ съ перломъ наверху. За духомъ-магнатомъ идетъ слуга съ параднымъ знаменемъ. Нѣсколько далѣе — рабочій катитъ тачку съ драгоценностями, горящими ярчайшимъ пламенемъ. На облакахъ, надъ шествующими по землѣ богами денегъ, появляются двойники Хэ и Хэ, со своими нормальными атрибутами: лотосомъ и коробомъ съ драгоценностями, изъ котораго въ домъ счастливица летятъ всевозможные дары. Глазѣющія изъ окна на эту сцену нарядныя мать и дочь, мальчикъ, идущій за отцомъ, и другой, зажигающій петарды, дополняютъ картину новогоднего самоблагожеланія. Печатано въ лавкѣ Итайхэнъ.

Рисунокъ 9 (картина № 384, коллекція автора). На богато украшенной картинами и рѣзбой террасѣ сидитъ хозяинъ дома (идеаль для покупающаго данную картину бѣдняка) въ роскошномъ древнемъ одѣяніи и какъ-бы самъ изображаетъ воплощеніе Духа Богатства. Около него — нарядныя жена и сынъ. Сзади него — тазъ съ богатствами, сіяющими пламенемъ. Къ нему подходитъ колесница, нагруженная колоссальными слитками золота, жемчугами и проч. Мальчуганы въ ней ведутъ себя по домашнему. Колесницу тянетъ необыкновенный звѣрь, скомбинированный изъ льва, тигра, цилиня и проч. Двое сопровождающихъ колесницу одѣты въ фантастическій костюмъ, долженствующій изображать инородческое одѣяніе. За ними шествуетъ волосатый инородецъ съ «драгоценнымъ конемъ» въ рукахъ. Это — такъ называемый турокъ (уйгуръ) — духъ богатства¹, представляющій свою дань счастливицу-хозяину, сидящему на террасѣ. Слева отъ него идетъ отрокъ съ вазой, въ которой растетъ «отряхающее деньги дерево».

Центральною фигурой картины является Лю Харъ, танцующій съ обычными своими атрибутами (жабой-чжань и шнуромъ съ монетами). Онъ — въ полуодѣяніи безсмертныхъ геніевъ, съ листвою у чреслъ и съ распущенными волосами. Такимъ образомъ, до сихъ поръ картина рисуетъ явленіе геніевъ богатства въ домъ утопающаго въ роскоши и золотѣ счастливица.

Порхающіе вокругъ Лю Хар'а нетопыри — очевидное недоразумѣніе, ибо въ не вполне грамотной надписи наверху обычное ихъ ребусное значеніе «счастья» (蝠 и 福) упразднено совершенно инымъ знакомъ 蚨, который не имѣетъ значенія нетопыря. Эта надпись: 蜻 (вмѣсто 青) 蚨 飛 入 Цинь фу фэй жу — «Синій (сине-зеленый, черный?) фу влетаетъ» — требуетъ вниманія.

¹ Хуй-хуй цай шэнь. Едва ли не простая игра словъ и, слѣдовательно, совершенная фантазія. Въ самомъ дѣлѣ: хуй-хуй значитъ: верни(сь), верни(сь), т. е. верни деньги (истраченные) назадъ (миѣ)! На эту мысль наводитъ нижеслѣдующее сказаніе о чудодѣйственной крови насѣкомаго. Вопросъ этотъ, впрочемъ, открытъ.

Въ трактатѣ о чудесныхъ феноменахъ (Соу шань цзи) читаемъ слѣдующее. «Синій фу — это насѣкомое, въ родѣ кузнечика. Если убить самку и дѣтеныша и, затѣмъ, кровью каждаго изъ нихъ помазать 81 монету, то, при покупкѣ чего-либо на эти деньги — все равно, какія изъ нихъ истратитъ сначала и какія потомъ — всѣ эти монеты прилетятъ обратно, и такъ до безконечности». Неудивительно, что въ образномъ литературномъ языкѣ «синими фу» называются вообще деньги.

Такимъ образомъ, смыслъ этой полуграмотной надписи, нелѣпо иллюстрированной летящими нетопырями, заключается въ пожеланіи непрерывнаго возвращенія истраченного обратно въ домъ. Съ цѣлою картиной это благожеланіе вяжется лишь съ точки зрѣнія наращенія богатства безъ конца.

Рисунокъ 10 (картина № 385, коллекція автора). Изъ красиваго дома, гдѣ на столѣ-алтарѣ приготовлено все для жертвоприношенія духу богатства, выходитъ одѣтый въ лучшее чиновничье платье хозяинъ дома (тотъ самый счастливецъ, какимъ въ несбыточныхъ мечтахъ хочу быть я, бѣднякъ, покупающій за грошь эту лубочную картинку). Его окружаетъ расфранченная до послѣдней степени семья. Слуги его держатъ фонари чиновныхъ и пышныхъ процессій. На нихъ, однако, вопреки обычаю, не написанъ длиннымъ рядомъ знаковъ титулъ знатнаго богача, а только четырехзначное благожеланіе: Цзю тьян жу и 九天如意: «Въ девятинебесномъ¹ (дворцѣ) (да будетъ мнѣ) по (моему) желанію!», т. е. «пусть я получу отъ государя во дворцѣ все, чего только захочу!» Такимъ образомъ, все земное представлено въ самыхъ сильныхъ для вождѣющаго къ деньгамъ бѣдняка краскахъ и выраженіяхъ.

Хозяинъ подымаетъ руки въ знакъ прिवѣтствія, встрѣчая являющихся къ нему геніевъ и боговъ: трехъ Цайшан'ей (духовъ богатства), — какъ на предыдущихъ картинахъ, — двойниковъ Хэ и Хэ, изъ которыхъ одинъ — Лю Харъ, и второй пары двойниковъ, т. е. «небожителя, завѣдующаго выгодной (для меня) торговлей» и «зовущаго (мнѣ) богатство» (послѣдній — безъ опредѣляющей его специальность надписи, да и причесанъ онъ скорѣе, какъ Хэ-Хэ). Въ то время какъ Лю Харъ нагромоздилъ на себя деньги въ тяжелыхъ связкахъ и жабу, идущій съ нимъ рядомъ Хэ открылъ свой волшебный коробъ, изъ котораго въ тучѣ перелетаютъ въ заранѣе приготовленную корзину всѣ роды драгоценныхъ вещей, извѣстныя фантазіи китайца-любостяжателя. Кромѣ того, за ними идутъ еще слуги съ коробами того же добра, сіяющаго пламенемъ. На фонѣ — гора изъ золота, серебра, коралловъ и проч.

¹ «Девять небесъ» или «Девять полей» — это обычное обозначеніе въ старыхъ текстахъ всеобъемлющаго неба, т. е. небо центра (中央), небеса четырехъ главныхъ странъ свѣта (四正) и четырехъ скомбинированныхъ (四隅). Такъ какъ государь есть «сынъ неба», то и дворецъ его долженъ изображать небо «девятистранное» (или же «девятирусное»). Отсюда выраженію «девять небесъ» сообщенъ смыслъ дворца государя (宮禁).

На происхожденіи и подробной исторіи даннаго выраженія не считаю нужнымъ здѣсь останавливаться.

Такимъ образомъ, на картинѣ представленъ земной міръ, мечтающій о богатствѣ и встрѣчающій исполненіе своей мечты тутъ же. Происходитъ соединеніе неба съ землей въ золотомъ, сладостномъ кошмарѣ. Полное блаженство! — На картинѣ надпись: Цы най Цайшэнь цзяо мынь лай дао цза цзя **此乃財神門來到咱家**. — «Это Цайшэнь стучитъ въ ворота и приходитъ къ намъ въ домъ». Сама по себѣ, эта разговорная фраза не подаетъ поводовъ къ размышленію. Нужно только обратить вниманіе читателя на ея своеобразное примѣненіе. Дѣло въ томъ, что очень часто эти десять знаковъ пишутся лишь контурно, такъ что предоставляется ихъ потомъ заполнять тушью. Каждый изъ этихъ девяти знаковъ («Цынай» считаемъ за одинъ) состоитъ (не безъ натяжки) приблизительно изъ девяти чертъ. Получается $9 \times 9 = 81$ черта. Если каждый день проводить по одной чертѣ, то къ концу періода холодовъ, почитаемаго въ 81 день, простолудинъ получаетъ отчетливо выписанное благовѣщее выраженіе. Забавѣ этой предаются въ Китаѣ очень часто, судя по количеству картинъ такого типа, называемыхъ «Исчезаніе холода въ девять девятокъ» (**九九消寒圖**). Формулы этихъ трафаретовъ-прописей разнообразны, какъ напримѣръ: **真是活財神來到咱家** — «Воистину, это живой Цайшэнь прибылъ въ нашъ домъ!», или: **若是客來拜茶烟相待** — «Если гость придетъ съ визитомъ, чаемъ и табакомъ его угощай» и т. д. См. подробно объ этомъ у Grube. Zur Peking'er Volkskunde, стр. 87—8, гдѣ приведены еще и другіе примѣры. — Печатано въ Тяньцзинѣ, въ лавкѣ Цзидэчэнъ.

Рисунокъ 11 (картина № 467, коллекція автора). Изъ богатаго дома, разукрашеннаго рѣзьбой и живописью, выходятъ во дворъ одѣтые въ дорогое платье члены семьи: старуха-прабабка съ правнукомъ¹, старшій сынъ, въ платьѣ мандарина и со связкой бумажныхъ денегъ² въ рукѣ, и внукъ, молодой мужъ. Вмѣстѣ съ оставшимися въ домѣ они наблюдаютъ жертвоприношеніе и моленіе духу богатства, совершаемое праѣдомъ, хозяиномъ дома, одѣтымъ въ самое дорогое и пышное платье знатнаго мандарина. Съ горящими курительными свѣчами въ рукахъ, онъ совершаетъ моленіе передъ лакированной доской, на которой написано: Цю тянь жу и; Цзэнь фу Цайшэнь **九天如意。增福財神**. т. е. «Въ девяти-небесномъ (дворцѣ) (творящій) (миѣ) по (моему) желанію³, Нарощающій Счастье Духъ Богатствъ». Передъ этимъ суррогатомъ иконы, стоящимъ на креслѣ, составлены два стола, убранные жертвенною снѣдью⁴ и другими жертвенными принадлежно-

¹ У правнука въ рукахъ фонарь, въ видѣ зеленой жабы. Вѣроятно, намекъ на атрибутъ Лю Хар'а.

² Для сожиганія и ублаженія этимъ бога.

³ Объ этой формулѣ см. выше, въ описаніи рис. 10.

⁴ Эта снѣдь состоитъ изъ свиной головы, курицы и рыбы. Передъ окончаніемъ жертвоприношенія, т. е. при «проводахъ Цайшэня», вырываютъ у курицы языкъ и бросаютъ за заборъ, приговаривая: Кай цай мынь, Цюй коу шэ, т. е. «Открой врата богатства, уברי языкъ во рту». Последняя фраза означаетъ: уברי сплетни изъ дома.

стями¹. Слуги (наѣво отъ зрителя) приготавливаютъ все къ встрѣчѣ праздника: прислуга несетъ на подносѣ пельмени въ кухню², гдѣ въ свое время чествовали печного и домашняго бога; другой слуга собираетъ зажечь связку петардъ, висящую въ козлахъ; третій несетъ воду.

Такимъ образомъ, на землѣ, во дворѣ дома этихъ богатыхъ и счастливыхъ людей, судьбѣ которыхъ завидуетъ алчный простолюдинъ, купившій картину, совершается моленіе духу богатствъ. И вотъ, духъ является въ тучахъ надъ дворомъ со своею свитой, въ которую входятъ двойники *Хэ-Хэ* съ атрибутами: лотосомъ и коробомъ (направо), «танцующій» Лю Харъ, двойники: «Привлекающій Богатства» и «Дающій выгоду торговлѣ» (Чжао цай, Ли ши), слуги и силачъ, движущій тачку съ невѣроятными богатствами, которыя горятъ яркимъ свѣтомъ. Весь этотъ синклитъ явился сюда, чтобы исполнить моленіе о богатствѣ. Честь выполненія падаетъ на Лю Хар'а, своею жабою-талиманомъ сыплющаго тучею несмѣтныхъ драгоценностей, которыя подбираются и складываются въ особо приготовленный кузовъ³.

Надпись на картинѣ — благожеланіе изъ двухъ фразъ: Синь нянь цзи цинь. Да фа цай юань 新年吉慶。大發財源。 т. е. «Съ Новымъ Годомъ! Счастья и удачи! Крупно развить источники богатствъ!» Virши, находящіяся слѣва отъ этой надписи, переведены въ статьѣ.

Рисунокъ 12 (картина № 1394, коллекція автора). «Гражданскій и военный⁴ Цайшэн'и сражаются на побѣду серебромъ и деньгами» 文武財神銀錢鬪勝。 «Гражданскій» Цайшэнъ, верхомъ на баснословномъ цилин'ѣ (который, какъ извѣстно, даже травы не мнетъ по своему миролюбію) и въ сопровожденіи слуги со знаменемъ, на которомъ изображены горящіе перлы, — выпускаетъ въ противника изъ руки тучу драгоценностей, главнымъ образомъ, («гражданскаго») дракона, чешуя котораго состоитъ изъ монетъ. «Военный» противникъ, возсѣдая на тигрѣ (какъ на подходящемъ къ его профессіи звѣрѣ), держитъ въ одной рукѣ тазъ съ горящими перлами и проч., въ другой — мечъ изъ монетъ. Его тигръ выпу-

¹ т. е. бумажными деньгами, рюмками, пельницами для свѣчей и др.

² На кухнѣ, по столбамъ-косякамъ, — надписи, взятыя изъ обыкновенныхъ книгъ на всякій случай жизни: а) «Варимъ, стряпаемъ три прекрасныхъ свѣжихъ (блюда, т. е. рыбу, раки, баранину)»; б) «Во-время сготовимъ ароматныя снѣди на всѣ пять вкусовъ (кислый, соленый, горькій, пряный, сладкій)». (烹調三鮮美。時和五味香。) Наверху: «Смѣшиваемъ, готовимъ на всѣ пять вкусовъ» (調和五味). Въ узорѣ наклеенной къ празднику бумажной занавѣски читаемъ: «Вся семья да возрадуется и возвеселится!» (合家歡樂).

³ На этомъ кузовѣ (囤), прежде всего, наѣпленъ знакъ фу (福) «счастья!» Затѣмъ — благожеланіе: Цай юань фу цоу, т. е. «Да стекутся (сюда всѣ) источники богатствъ!» Въ кузовѣ лежатъ монеты, кораллы, перлы и т. д. Все это сіяетъ огромными языками пламени.

⁴ Двойственность земной іерархіи китаецъ сейчасъ же переносятъ на іерархію небесную.

скаеть изъ пасти тучу всякихъ драгоцѣнностей. Въ этомъ соревнованіи на пользу покушающаго картину, приняли участіе: оба Хэ-Хэ (одинъ въ тучахъ, съ лѣтосомъ и слиткомъ золота, а другой — съ коробомъ — возлѣ перваго Цайшэн'я), мальчикъ съ метлой для сгребанія драгоцѣнностей, Лю Харъ (направо) съ жабой за плечами и «турокъ», привезшій колоссальные слитки золота (слѣва). Деревья съ золотыми слитками и монетами, вмѣсто листьевъ (на фонѣ картины и въ тачкѣ силача — направо, рядомъ съ Лю Хар'омъ), арка, состоящая цѣликомъ изъ монетъ съ подходящими надписями¹, ямбовъ, перловъ и проч., дополняютъ картину.

Указатель собственныхъ именъ и названій.

Алексѣевъ, В. М. 262.	Дарма Пала 294.
Agendt 261, 285.	Giles 261, 295.
Баоцу-цзы 281.	Ди Хао 258.
Бо И 302, 311.	Ди Цинцзянь = Ди Хао.
Бэнь цао ганъ му 257.	Дунъ Нингьянь 289.
Бянь сюань дуй хуа пу 259.	Дунъ сюань би лу 256.
Ванъ Вэй 271.	Жэнь-Цзунъ 289.
Ванъ Дэфу = Ванъ Чанъ.	Ивановъ, А. И. 262.
Ванъ Кэнь танъ = Ванъ Цзяньчжанъ.	Инь с нь чао, хуй ту, Эр Я 254.
Ванъ Цзяньчжанъ 257.	Канси цзыдянь 254, 262.
Ванъ Чанъ 260.	Кансэки кайдай 257.
Ванъ-хуй Гэгэ 255, 257, 306.	Кѳjjjukugodajiten 261.
Васильевъ 256.	Кокка 259.
Wieger 255, 256.	Конфуцій 294, 302.
Vitale 253.	Cordier 259.
Вэй Даофу = Вэй Тай.	Kōrin 304.
Вэй ду фу 286.	Кунъ Инда 283.
Вэй Тай 256.	Согрант 304.
Вэй Чжи 286.	Сочтеур 264.
Вэй Шу 255.	Лао, см. Хуанъ-Лао.
Вэнь Сюань чжу 255.	Лао-цзы 263, 286.
Grube 261.	Лаошоу синъ 304.
Гуанлинъ 282.	Лй Харъ = Лю Харъ.
Гуанъянь 282.	Ли Бо 271.
Гуанъ-цзы 266.	Ли Гуанъ 292.
Гу-и шанъ 302.	Ли дай сянь ши (Чунъ сю ...) 257.
Гунъ лунъ 290.	Ли дай хуа ши хуй чжуанъ 260.
Гэ Хунъ 255, 281, 289.	Ли дай шэнь сянь тунъ цзянь 258.
Дай (чжоу) 289.	Ли Дахунъ = Ли Нго.
Дао цзанъ цзи яо 256.	Ли Дунби = Ли Шичжэнь.

¹ Такова, напримѣръ, надпись (справа и слѣва): Бао цзюй, цай фынь 寶聚
財豐, т. е. «Сокровищамъ—развиваться, богатству—тучнѣть!»

Ли Нго 258.
 Ли Т'ьгуай 301.
 Ли Хунчжань 258.
 Ли Чжэньдо 288.
 Ли Шань 255.
 Ли Шичжэнь 257.
 Линь Фань 292.
 Линь Хань цзюй ши 256.
 Ло Дуньфу = Ло Пинь.
 Ло Лянфынь = Ло Пинь.
 Ло Пинь 260.
 Лу Эркуй 260.
 Лулунь 283.
 Луньюй 294.
 Лъ сянь чжуань 255, 271.
 Лъ-цзы 302.
 Лю Сюаньинь = Лю Цао.
 Лю Сянь 254, 255.
 Лю Хай (Харь) 254, 271, 300... (часто).
 Лю Хайчжань 292, = Лю Цао.
 Лю Цао 254, 282.
 Лю Цзунчэнь 280, = Лю Цао.
 Лю Цзунчэнь 288, = Лю Цао.
 Лю Чжаода 282, = Лю Цао.
 Лю Чжэ 282, = Лю Цао.
 Лю Чжэньжэнь 256, = Лю Цао.
 Лю Шоугуань 283.
 Люй Ди шэнь цзи цзи яо 256.
 Люй Дунбинь 256, 284, 297.
 Люй Цзюцзянь 263.
 Люй Шуньянь = Люй Дунбинь.
 Лянь цзинь (синь?) цзи 255.
 Ляо (дин.) 283.
 Ляо вэнь цунь 259.
 Ляо ши хуа 288.
 Ляо ши ши и 258.
 Майтрея 265, 304.
 Милэ = Майтрея.
 Мо линь цзинь хуа 260.
 Мынь Лайфу 259.
 Мынь Сицзэ 253.
 Мынь Цзянь 294.
 Мэй Чэнь 285.
 Мяо Цзэ Пу Ду Хэ Шэнь Да Ши 302.
 Мяо Цюаньсунь 259.
 Ниндинь-чжоу 282.
 Поповъ, П. С. 261.
 Пэй вэнь юнь фу 260.
 Pelliot 255.
 Пянь цзы лэй бянь 260.
 Сань инь ши 304.
 Сань цзяо юань лю шэнь ди фо шуай соу
 шэнь да цюань 257.
 Си вань му 271.
 Си ху ю лань чжи 257.

Синь минь гуй чжи 256, 283.
 Синь минь шуань сю вань цэнь гуй чжи 256.
 Scarborough 261.
 Smith 261.
 Соу шэнь цзи 257.
 Stewart Lockhart 261.
 Сунь Си = Сюнь Си.
 Сунь Тайчу 271.
 Сыку цюань шу цзунь му 258.
 Сыку цюань шу цзянь минь му лу 258.
 Сыма Цянь 255, 285.
 Сѣ Ань 286.
 Сюаньинь = Лю Сюаньинь 284 и сл.
 Сюань Ё 280.
 Сюнь Си 285.
 Сянь Ё цао-тань = Ло Пинь.
 Тай пинь гуань цзи 255.
 Тай Хуа 289.
 Тай Шань 285.
 Тань бинь лу 255.
 Тань (чжоу) 292.
 Тао Цянь 289.
 Ту шу цзи чэнь 256, 257, 260, 279.
 Тунь су бянь 258.
 Тянь (фам.) 306.
 Тянь Жучэнь 257.
 Тянь Шухэ = Тянь Жучэнь.
 Тяньтай 304.
 Тяньтай шань фань вай чжи 257.
 Wylie 255—6—7.
 У Цзинь 257.
 Фань Суй 285.
 Фань Ё 255.
 Фынгань-ши 258.
 Фынь ся би тань 259.
 Фынь шань (Фениксова гора) 289.
 Фыньян-фу 300.
 Хайчжань-гунь 281 (Лю Цао).
 Хайчжань Дипцзюнь 256.
 Хайчжань Лю Чжэньжэнь 256.
 Хайчжань-цзы 256, 258, 281, 288, 300.
 Хань Чжунли = Чжунли Цюань.
 Ханьшань-цзы 302 (часто).
 Ханьшань-цзы ши цзи 258.
 Harlez 261.
 Hoang 258.
 Хокусай 260.
 Хоухань шу 255.
 Хуа инь Лю Хай юэфынь пай 310.
 Хуа чжи сы сэнъ = Ло Пинь.
 Хуань Болу 259, 261.
 Хуань Ди 302.
 Хуань Жуаньцю 271.
 Хуань-Лао 284.
 Хуань Фэймо = Хуань Болу.

- Хубилай 256, 294.
Хуй-хуй цай шэнь 312.
Хунъ Цзычэнь 255.
Хухай ши чжуань 260.
Хэ-Хэ 267, 301 (часто).
Хэ-Хэ эр шэнь 302.
Хэ Шэнь 302.
Хэ Юань 256.
Цай Шэнь 254, 273 (часто).
Цай Юнь 290.
Цай цы тань синь цюань сю сянь Лэ сянь чжуань 255.
Цзи сянь лу 293.
Цзи фу тунъ чжи 258.
Цзи ши тунъ цзянь 258.
Цзи шо цюань чжэнь 258.
Цзинь Линь гунъ 285.
Цзинь лянъ чжэнь цзунъ сянь юань сянь чжуань 256.
Цзинь лянъ чжэнь цзунъ цзи 256.
Цзинь шу 286.
Цзинь Ы хуань дань инь чжэнь 284.
Цзы шу бо цзя 254.
Цзэнь фу Цайшэнь 314.
Цзя Ханьфу 258.
Цинь Чэнь (Синий Городъ) 289.
Цинь Янь мяо (Храмъ Синяго Барана) 290.
Цинь ванъ 285.
Цы Юань 260.
Цюань тань ши 304.
Цюань чжэнь чжуань 282.
Цюань шань вэнь 304.
Цюегуаръ Ли = Ли Тьгуай.
Чаннинъ сы 289.
Чанъ Нгэ 282.
Чжанъ = Ваньхуй Гэгэ.
Чжанъ Го 301.
Чжанъ Голао = Чжанъ Го.
Чжанъ Мао 286.
Чжанъ Мынцзянь 279, 291.
Чжанъ Пиншу 256.
Чжанъ Умынь 288.
Чжанъ Хуай Тайцзы Сянь 254.
Чжанъ Цзыянъ 289.
Чжанъ Шоуцэ 254, 255.
Чжанъ Шоучжэнь 291.
Чжанъ (жаба) 281.
Чжанъ гуанъ ту шо 256.
Чжи чжэнь гэ 256.
Чжоу (дин.) 302.
Чжоу гунъ 302.
Чжу Си 294.
Чжуанъ-цзы 263.
Чжунли Цюань 284, 301.
Чжуннань 289.
Чжунъ Фанфанъ 288.
Чжунъ Хуй 286.
Чжунъ Юнь 262.
Tchenn, Les... 256.
Чжэнь-лянь-цзы 284.
Чжэнь Даюань 288.
Чжэнь цзунъ 291.
Чжэнь Цицжэнь 288.
Чунъ чжу цзи вэнь 256.
Чэнду 290.
Чэнь Миндао = Чэнь Хао.
Чэнь Хао 265.
Чэнь Си 288.
Chavannes 261, 266, 294—5, 300.
Шаньси тунъ чжи 258.
Шидэ-цзы 302.
Шидэ ши 258.
Ши синъ юнь бянь 279.
Ши цзи 255.
Shōkei 304.
Шо юань 254, 255, 285.
Шоунинъ гуань 289.
Штернбергъ, Л. Я. 262, 267, 308.
Шу Ци, см. Бо И.
Шунъ 302.
Шуньтянь-фу чжи 258, 280.
Шэньгуанъ-цзы 288.
Шэнь и дань 279.
Шэнь сянь бу 279.
Shen-Sien-Shu 261.
Шэнь сянь тунъ цзянь 258.
Шэнь сянь чжуань 255.
Шэнь чжоу го гуанъ цзи 259.
Шэнь чжоу да гуань 259.
Эр Чжудунъ 288.
Эр Я 254.
Юань Хаовэнь 289.
Юань Цэ Цы Ду Хэ Шэнь Да Ши 302.
Юе дань тань сянь фо ци цзунъ хэ кэ 255.
Юй цинъ цзинь сы цинъ хуа би вэнь цзинь бао нэй лянъ дань фа 256.
Юйчу-цзы = Вань Цзяньчжанъ.
Юйчу-чжэньжэнь = Вань Цзяньчжанъ.
Янь 282, 287.
Янь Хуй 304.
Яо 302.